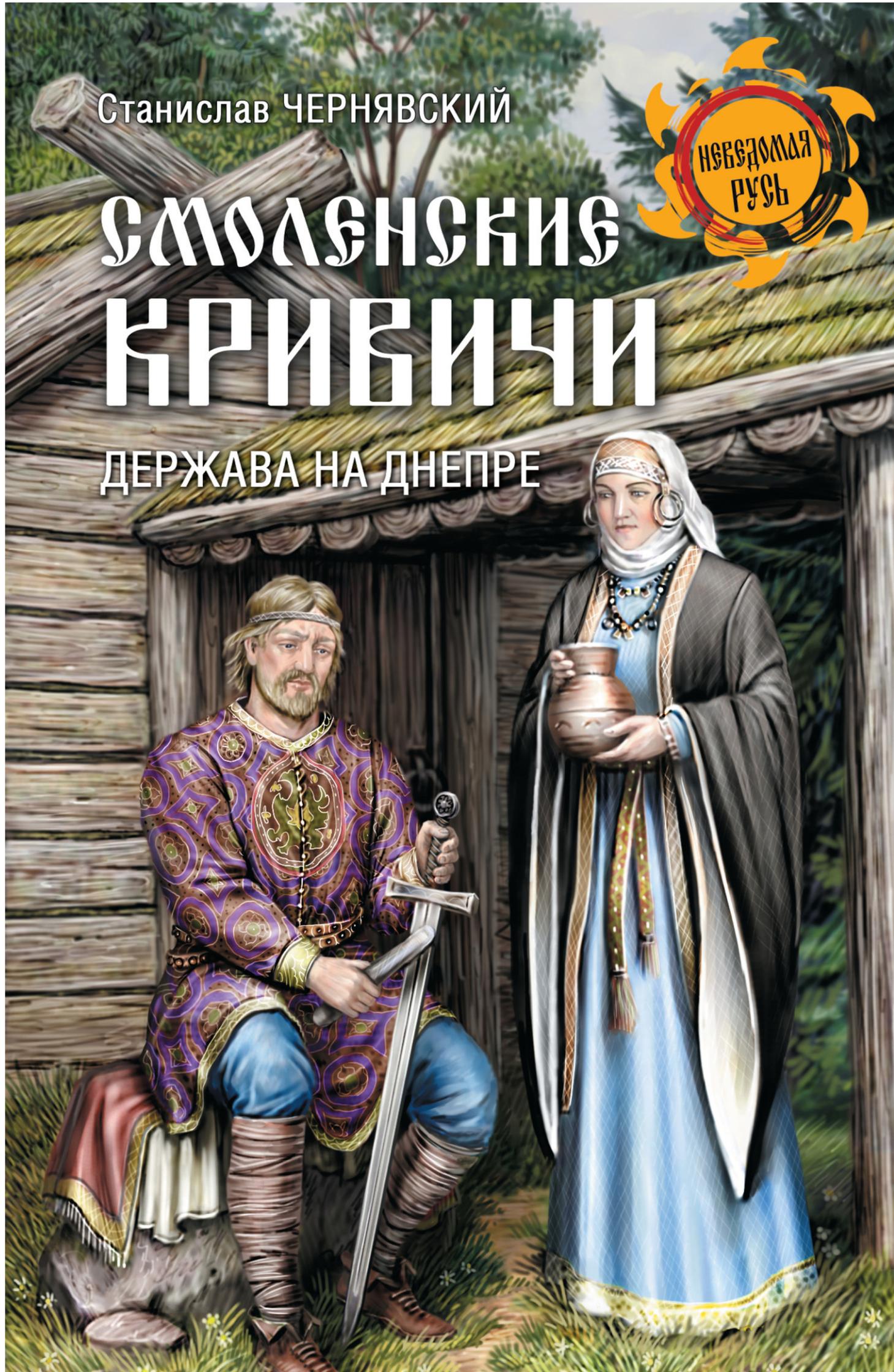

Станислав ЧЕРНЯВСКИЙ

СМОЛЕНСКИЕ КРИВИЧИ

ДЕРЖАВА НА ДНЕПРЕ

Неведомая Русь

Станислав Чернявский
**Смоленские кривичи.
Держава на Днестре**

«ВЕЧЕ»

2017

Чернявский С. Н.

Смоленские кривичи. Держава на Днепре / С. Н. Чернявский — «ВЕЧЕ», 2017 — (Неведомая Русь)

История Смоленской земли и условной «Смоленской державы» способна заинтриговать не только узкий круг ученых, но и широкого читателя, интересующегося прошлым нашей страны. Княжество располагалось на Верхнем и Среднем Днепре, на середине торгового пути «из варяг в греки». Уже поэтому его прошлое вызывает интерес. Расположенное в сердце земли Русской, оно оказалось в центре русских проблем. В IX веке здесь жили кривичи, затем явились варяги, а в XII веке Смоленск стал претендентом в борьбе за гегемонию на Руси. Придет время, смоленским князьям подчинятся Киев и Овруч, Полоцк и Минск, Новгород и Псков, Галич. Влияние смолян будет простирается на Волынь и Полесье. Этот период мы и предлагаем условно назвать временем «Смоленской державы», или «смоленской гегемонии». Автор попытался разгадать загадку кривичей – славянского племени, которое пришло на Днепр и Двину откуда-то с запада. Когда и почему они пришли? Кого застали на Днепре? И вообще, с какого времени начался этногенез восточных славян? Всё это отнюдь не праздные и до сих пор не решенные вопросы, хотя для ответов на них накоплено достаточно материала.

© Чернявский С. Н., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Смоленское княжество	9
Глава 1. Кривичи приходят на Днепр	9
1. Переселения народов	9
2. Авары и славяне	10
3. Гибель державы дулебов	12
4. Ляхи и кривичи	13
5. На новой родине	16
6. Кривичи и Русский каганат	18
7. Смоленские кривичи	20
8. Падение Русского каганата	21
9. Гроза	22
10. Династия «Олегов»	24
11. Рождение Руси	25
12. Этническая мутация	26
Глава 2. Формирование смоленской земли	28
1. Станислав	28
2. Границы княжества	29
3. Первые князья	31
4. Смута	34
5. Любечский съезд	36
6. Золотой век	37
Глава 3. Основатель династии	39
1. Мстислав Великий	39
2. Борьба гегемонов	40
3. Мономашичи против Ольговичей	41
Глава 4. Восьмилетняя война (1146–1154)	44
1. Игорь	44
2. Битва за Киев	45
3. Долгорукий	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Станислав Чернявский

Смоленские кривичи. Держава на Днепре

© Чернявский С.Н., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Предисловие

I

В истории Древней Руси, вроде бы изученной вдоль и поперек, всё еще остается очень много «белых пятен». Каждое княжество, каждая «земля» хранят бесчисленные тайны, разгадка которых – дело историков будущего. Причем – добросовестных и вдумчивых историков, а не популяризаторов невежества. Прошлое Смоленской земли и условной «Смоленской державы» – в числе загадок, разгадать которые вполне по силам современному историку, вооруженному всеми достижениями науки – от великолепно изданного Полного собрания русских летописей, которое находится всегда под рукой благодаря электронным университетским библиотекам, представленным в Интернете, до открытий археологии, этнографии, сфрагистики...

* * *

В 60-х годах XIX века в Киевском университете была предпринята попытка начать серию региональных исследований по истории древнерусских княжеств.

К тому времени история Руси в целом была написана неоднократно. В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой, С.М. Соловьев, Д.И. Иловайский сделали несколько попыток обобщить летописное наследие. У одних попытки вышли удачными, у других – нет, но все перечисленные историки, несмотря на разногласия одних (Соловьев и Иловайский), неоднозначность других (Татищев) и дилетантизм третьих (Полевой), совместными усилиями создали схему древнерусской истории, которая вошла в учебники.

На горизонте уже появлялись ученые нового поколения – талантливейший, но отравленный ядом западного либерализма В.О. Ключевский, который внес в науку об изучении нашего прошлого множество спорных моментов, и плохо подготовленный, но чрезвычайно амбициозный М.И. Грушевский, который в «Истории Украины – Руси» перевернул реальность с ног на голову и выдумал прошлое несуществующей страны и несуществующей нации. Феномен Грушевского – это, как и в случае с Ключевским, результат неудачных контактов русской цивилизации с Западом, где еще в XVIII веке ученые придумали довольно прямолинейную теорию наций и стали ее тиражировать не в силах сообразить, что нация – понятие сугубо европейское, а оперировать нужно категориями этноса, что не одно и то же.

Например, на мусульманском Востоке и в Великой Степи люди часто называли себя по имени вождя. Сельджуки и Чагатаи, Османы и Ногаи; что это – нации или гибкие сообщества людей со сходными вкусами и убеждениями, объединенные исторической судьбой? Подробно говорить об этом здесь не место, но задуматься стоит.

Итак, в 60-х годах XIX века общие концепции созданы, появлялись альтернативные, а история отдельных древнерусских княжеств изучена еще не была. Киевская научная школа попыталась преодолеть эту несправедливость. В последующие три десятилетия одна за другой появились монографии по древнейшему периоду Рязанского, Тверского, Черниговского, Полоцкого, Смоленского княжеств, Северщины, Новгородской и других земель. Как обычно, одни работы получились удачными, другие нет. К слову, самые любопытные из них сегодня переизданы в серии «Неведомая Русь», что дает современному читателю ценную возможность ознакомиться с редким научным наследием времен заката Российской империи.

Историю Смоленска написал и опубликовал в 1895 году известный ученый-русист П.В. Голубовский. Книга называлась «История Смоленской земли до начала XV ст[олетия]» и не утратила известной научной актуальности вплоть до наших дней.

Новый всплеск интереса к истории отдельных регионов Древней Руси возник ровно сто лет спустя, в 60-х годах XX века. К тому времени наука ушла далеко вперед. Если в XIX столетии ученые пользовались в основном письменными источниками, то через столетие на помощь пришли археология, дендрохронология, научная этнография и сфрагистика.

В 60-х–80-х годах XX века замечательный историк и археолог Л.В. Алексеев выпустил монографии по истории Смоленской и Полоцкой земель, населенных кривичами. Эти книги остаются классическими с точки зрения «высокой» науки. Наша задача скромнее: популярно рассказать об истории Смоленской земли и о том узле противоречий, который завязался на Днепре в то время, когда здесь появились славяне.

Нужно сказать, что господствующий научный метод в советские времена имел серьезные недостатки. Произошел перекокс в сторону изучения социальных процессов и экономики, но ни то ни другое адекватно реконструировать так и не удалось. Любое восстание советские ученые объявляли частью классовой борьбы, экономические отношения в Древней Руси рассматривали сквозь призму феодализма, коего на нашей родине не было. Это привело к ошибкам, которые множились с каждой статьей и монографией. Благодаря коллективным усилиям ряда историков действительность была искажена. К счастью, продолжалось это недолго, и уже в начале 80-х годов XX века вышли труды И.Я. Фроянова, опровергавшие ошибочные концепции.

Но это обесценивает значительное число работ по общей истории Руси и по истории входящих в нее земель. А значит, «региональная тема», где рассказывается о судьбе отдельных русских княжеств, снова становится перспективной. Это дает право предложить вниманию публики новую книгу по истории Смоленской земли.

II

История Смоленска способна заинтриговать не только узкий круг ученых, но и широкого читателя, интересующегося прошлым нашей страны. Княжество располагалось на Верхнем и Среднем Днепре, на середине торгового пути «из варяг в греки». Уже поэтому его прошлое вызывает интерес. Расположенное в сердце земли Русской, оно оказалось в центре русских проблем.

В IX веке здесь жили кривичи, затем явились варяги, а в XII веке Смоленск сделался претендентом в борьбе за гегемонию на Руси. Придет время, смоленским князьям подчинятся Киев и Овруч, Полоцк и Минск, Новгород и Псков, Галич. Влияние смолян будет простирается на Волынь и Полесье. Этот период мы и предлагаем условно назвать временем «Смоленской державы» или «смоленской гегемонии».

Странно, что мимо него прошли историки. И для них, и для массового читателя это в полном смысле «неведомая Русь».

Итак, что сможет почерпнуть читатель из этой книги? Мы попытаемся разгадать загадку кривичей – славянского племени, которое пришло на Днепр и Двину откуда-то с запада. Когда и почему они пришли? Кого застали на Днепре? И вообще, с какого времени начался этногенез восточных славян? Всё это отнюдь не праздные и до сих пор не решенные вопросы, хотя для ответов на них накоплено достаточно материала.

Затем расскажем, как Смоленская земля обособилась в составе Руси и за счет чего постепенно набирала силу. В самом деле, при ближайшем рассмотрении всё это выглядит странно. Поначалу Смоленск – второстепенный город для киевских Рюриковичей. Первым в табели о рангах числится сам Киев, за ним следует Новгород, коим управляет старший сын великого

князя. И вдруг Смоленск усиливается, его князья доминируют на Руси. В чем причина? В качествах самих князей, в экономических условиях, сложившихся в пользу Смоленска, или в том, что местные лидеры смогли предложить Руси модель управления, которая на какое-то время устроила всех? Но если так, почему эта модель не прижилась? Грубо говоря, почему не Смоленская, а Московская Русь в итоге вышла победительницей в борьбе за первенство? Могли Смоленск, а не Москва сделаться столичным городом Руси?

Все эти вопросы звучат неожиданно, их никто не предлагал в такой последовательности, да и вообще не задумывался об этом. Значит, самое время приоткрыть завесу тайны над смоленской главой в истории Руси. Нас ждет много сюрпризов.

* * *

Но мы встаем перед важной проблемой. Как передать деяния смолян? Ограничиться рамками Смоленской земли? Это самый легкий путь, несмотря на мнимые трудности скрупулезного изучения мелочей. Их-то вычленишь и увидишь как раз очень просто. Но в этом случае исчезает перспектива. Что происходит на Руси? Как трансформируются идеи? Как меняются политические границы? Рассказывая обо всем этом, есть риск повториться. Разве не писали об этих проблемах крупные исследователи истории Руси – Карамзин, Соловьев, Иловайский? Зачем еще раз пересказывать материал?

Вроде бы верно, но есть нюанс. Те авторы, которые шли следом за краеведами и изучали историю одной только Смоленской земли, остались в плену ее узких границ и упустили эпоху смоленского преобладания на Руси. А ведь это важнейший момент древнерусской истории. Титаны исторической мысли проходили мимо него по той причине, что смотрели на историю нашей страны с высоты птичьего полета и пользовались при съемках, выражаясь языком кино- и телеоператоров, «общий» план. Краеведы, напротив, используют «крупный» план и не видят обобщений. Но может быть, стоит попробовать воспользоваться «средним» планом, иногда меняя его на «общий» и «крупный»? Тогда мы сможем понять, что происходило в Смоленской земле, и в то же время увидим, какое место занимала она в общерусской системе княжеств. Надеемся, этот метод позволит нам увидеть то, что не видели предшественники, и в то же время не разочаровать читателя, сделав книгу увлекательной.

Итак, мы предлагаем отправиться в новое путешествие по таинственному миру древних славян.

Часть первая. Смоленское княжество

Глава 1. Кривичи приходят на Днепр

1. Переселения народов

Для тех, кто не читал предыдущие наши книги, необходима преамбула. Когда русский обыватель говорит о восточных славянах, он представляет нечто монолитное и неизблемое. По его мнению, славяне были если не извечными, то очень древними жителями Восточной Европы. Этот ошибочный взгляд утвердился благодаря работам Б.Д. Грекова и Б.А. Рыбакова. Оба автора были убеждены, что славяне населяли Поднепровье едва ли не со времен трипольцев. Рыбаков даже осмелился назвать скифов-пахарей праславянами. В школьных учебниках появились соответствующие карты, которые многих ввели в заблуждение.

Не нужно думать, что перед нами – нечто свойственное исключительно советской или российской науке. Еще в 1960-х годах концепция исконности и непрерывности существования народов господствовала повсюду. В нашей книге о ругах приводился нелепый курьез, когда Г. Джонс, автор написанной в 1960-х годах монографии о викингах, сообщил, что современные норвежцы ведут происхождение от... неолитических племен Скандинавии. Утверждение неверно: в этом регионе происходило постоянное движение народов, сильные истребляли слабых, а этнические системы распадались, чтобы сложиться в новые общности. То же происходило во всём мире. Периоды стабильности сменялись десятилетиями хаоса, в результате чего этносы обновлялись и полный цикл жизни отдельного народа составлял от одной до полутора тысяч лет.

Приведем пример стабильного, по мнению европейцев, этноса, выхваченный буквально наугад. Древние китайцы в 2000 году до н. э. создали полумифическое вождество Ся в долине Хуанхэ, которое было уничтожено через несколько веков черноволосым монголоидным этносом, образовавшим деспотию с условным названием Шан-Инь, и это еще не классический Китай. Деспотия была разгромлена врагами, которые построили государство Чжоу (X–III века до н. э.). Среди чжоусцев было много зеленоглазых и рыжеволосых людей. В итоге они создали в Китае то ли полуфеодальные общества, то ли множество архаических общин. Говорят, таких общин было одно время несколько сотен. Долина Хуанхэ отличалась мягким климатом, людей имелось много, и когда одна община побеждала, то попросту уничтожала потерпевших поражение, а захваченные земли заселяла своими людьми.

В ходе этих войн победила получжоуская династия Цинь, которая продержалась пару поколений и была разгромлена династией Хань – первой, которую можно назвать древнекитайской в этническом смысле.

В IV веке н. э. Китай испытал беспрецедентный натиск кочевников, совпавший с междоусобными войнами. Это была демографическая катастрофа. Люди мигрировали под натиском степняков с берегов Хуанхэ на берега Янцзы, где смешались с далекими предками вьетнамцев и образовали новый народ. А северные китайцы перемешались в свою очередь с кочевыми племенами и тоже образовали два особых этноса – северокитайцев и табгачей. Между ними вспыхнули войны, которые приводили к миграциям, образованию молодых народов и гибели старых... Менялся язык, обычаи, меняли значение иероглифы... В результате современный китайский этнос относится к древнему так, как итальянцы – к италикам. А ведь это лишь один эпизод из истории Китая – страны, которая для западного обывателя считается образцом консерватизма, оседлости и неизблемости.

А может быть, китайский средний человек тоже считает Римскую империю вечной, как западные обыватели считают вечным Китай? В самом деле, город Рим существует до сих пор, его жители господствуют на Апеннинах и используют всё тот же латинский алфавит для письма. Расовый тип не изменился: в Италии живут какие-то светлокожие люди, которые (большой недостаток!) все на одно лицо, тогда как жителей Поднебесной каждый образованный человек легко отличит друг от друга и уж тем более от соседей – корейцев, японцев, вьетнамцев. Итальянцы говорят опять же на романском языке, что подтвердит любой лингвист. Правда, сами полагают, что язык изменился со времен Цезаря, но это неубедительный довод. Все наречия меняются. Современные русские тоже далеко ушли от языка Державина и Ломоносова. Словом, Римская империя – это образец консервативного общества, которое существует с VIII века до н. э. Курьез? Конечно. Плохо другое. Даже ученые часто попадают в силки обывательских стереотипов. Ведь они подробно изучают лишь свой предмет, а другие темы знают поверхностно. Вот и кажется, что китайцы консервативны, европейцы динамичны, а русские и норвежцы жили на нынешних территориях со времен мифических Адама и Евы или Пирры и Девкалиона.

В создании мифа об исконности славян можно обвинить Нестора и его безымянных предшественников – авторов первых летописных сводов. Но такие обвинения не сделают чести современным ученым. Первые летописцы, не обладая нашими познаниями, всё равно давали события в динамике. Нестор пишет о происхождении первых славян, об их переселениях, то есть вовсе не претендует на исконность и посконность славянского народа.

Единственное, в чем можно упрекнуть Нестора, так это в знаменитом списке восточнославянских племен. Повесть временных лет рассказывает о библейском разделении народов, затем – о появлении ляхов в Польше, дунайских славян и хорватов, сербов и хоруган, лютичей, мазовшан, поморян... Далее последовательность событий искажена.

В летописи читаем, что «славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, по имени Полота... Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ». Сообщение Повести временных лет дано в классическом переводе Д.С. Лихачева, цитировавшемся сотни раз.

Обратимся к хронологии. Сообщая о расселении славян в Западной Европе и на Дунае, летописец рисует ситуацию после аварского нашествия VII века. Следовательно, картина переселения на восток Европы дана на сто – двести лет позже. Но в летописи этот рассказ предшествует и повести о мифическом Кие (VI век), и даже сообщению о проповеди христианства в Скифии апостолом Андреем, который якобы мылся в новгородской бане (I век). Из дальнейшего летописного повествования мы, однако, узнаем, что Новгород выстроил Рюрик в IX веке. Что же на самом деле?

2. Авары и славяне

Славянский этнос родился в I или II веке н. э. в Карпатах. Его субстраты – древние германцы, кельты, сарматы и, возможно, фракийцы. Из этих четырех «блюдов» возникло пятое – словене, носители Слова. Или, говоря современным языком, славяне.

В IV веке славяне вступают в союз с гуннами против готов. Последние создали недолговечную империю в Причерноморье, но вызвали всеобщее недовольство соседей, что привело готов к краху. Часть славян выселилась на Днепр под именем антов. Это – предки сербов и хорватов.

Остальных славян византийцы звали «склавинами». Этот условный термин удобен для данной эпохи, и мы будем его использовать.

«Склавины» по-прежнему жили в Карпатах, но затем стали выселяться на запад, вытесняя остатки кельтов и германцев, живших в этих местах. Славянский центр находился на Волыни, а главное племя называлось *дулебы*.

И анты, и склавины охотно грабили Византийскую империю, но во времена императора **Юстиниана Великого (527–565)** византийцам удалось стравить оба племени между собой, что позволило обезопасить границы. В Восточной Европе образовались две огромные коалиции. Кочевое племя угров-*кутургуров*, жившее в низовьях Днепра и степях Северной Таврии, вступило в союз со склавинами против антов и византийцев. Анты в свою очередь заключили союз с другим угорским народом, *утургурами*, кочевавшими на Кубани. Кутургуры потерпели поражение и откатились в земли «склавинов», но тут с востока пришли авары. Это наполовину туранское (скифское), наполовину угорское племя, кочевавшее в Приаралье. В современной западной науке их ошибочно считают вышедшими из Монголии жужанями, что основано на устаревшей гипотезе Э. Шаванна (1865–1918). Более поздние исследования советских и российских ученых на эту тему игнорируются. Напротив, некоторые современные русские исследователи воспроизводят устаревшие западные схемы, и в свежих работах появляются «жужани»-авары вопреки всему, что мы знаем сегодня об этнической истории племен Центральной и Средней Азии.

Между тем на Алтае и в Монголии возник великий Тюркютский каганат (545). Тюркюты стали врагами аваров и напали на них. Авары, спасаясь от преследования, вышли на Северный Кавказ, где обрели поддержку аланов, а затем форсировали Дон и вмешались в войну утургуров, кутургуров и славян.

Поздней осенью 559 года аварский каган **Баян** заключил договор с кутургурами, согласно которому остатки угорского племени подчинились кагану. Утургуры были разбиты и оттеснены на Кубань. Авары переселились на Днепр и стали соседями антов. Сразу начались битвы.

«Владетели антские приведены были в бедственное положение и утратили свои надежды, – сообщает византийский историк Менаандр Протектор. – Авары грабили и опустошали их землю. Угнетаемые набегами неприятелей, анты отправили к аварам посланником Мезамира, сына Идаризиева, брата Келагастова, и просили допустить их выкупить некоторых пленников из своего народа. Посланник Мезамир, пустослов и хвастун, по прибытии к аварам закидал их надменными и даже дерзкими речами. Тогда Котрагиг, который был связан родством с аварями и подавал против антов самые неприязненные советы, слыша, что Мезамир говорит надменнее, нежели как прилично посланнику, сказал хагану: “Этот человек имеет великое влияние между антами и может сильно действовать против тех, которые скольнибудь его неприятели. Нужно убить его, а потом без всякого страха напасть на неприятельскую землю”. Авары, убежденные словами Котрагига, уклонились от должного к лицу посланника уважения, пренебрегли правами и убили Мезамира. С тех пор пуще прежнего стали авары разорять землю антов, не переставали грабить ее и порабощать жителей» (Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой. Отрывок 6).

Союзниками аваров выступили «склавины». Союз антов потерпел тяжелое поражение и проиграл войну, хотя не был уничтожен. Этот первый разгром датируется 560 годом.

К тому времени часть «склавинов» переселилась на территорию современных Валахии и Молдавии, где создала союз дунайцев. Это – предки современных славяноболгар, живущих в Болгарии и Республике Македония. Дунайцами правил князь **Добрята** (иногда его транскрибируют как Лавритос). На требование аваров пропустить их дальше на запад Добрята отвечал:

– Родился ли среди людей и согревается ли лучами солнца тот, кто подчинит нашу силу? Ибо мы привыкли властвовать чужим, а не другие нашим. И это для нас незыблемо, пока существуют войны и мечи.

Князь приказал перебить аварских послов. Каган Баян стерпел обиду. По свидетельству Менандра Протектора, до 578 года отношения аваров и словен оставались мирными, несмотря на вышеупомянутый эпизод с аварским посольством, перебитым людьми Добряты. Аварам требовался хоть какой-то тыл, и они проглотили неслыханную обиду, связанную с убийством послов.

В то же время авары воевали с византийцами и заключили союз с лангобардами, жившими в Паннонии. Совместно разбили гепидов, живших в Трансильвании. В Трансильванию и переселилась часть аваров. Затем лангобарды напали на Италию, принадлежавшую византийцам, и захватили ее северную часть, а Паннонию отдали тем же аварам. Каганат усилился.

Словенский *мусок* (вождь) и аварский каган не были друзьями, но присматривались друг к другу, чтобы удобнее нанести удар. В итоге славяне проиграли. В 578 году они напали на Византию, но авары неожиданно ударили славянам в тыл, прежде всего атаковав дунайцев.

Удар был настолько внезапен, что дунайцы разбежались по лесам. В то же время главные силы склавинов, оперировавшие за Дунаем, поспешно отошли к великой реке.

На этом месте текст Менандра обрывается, и мы уходим в область догадок. Очевидно, авары разгромили поспешно отступавшую славянскую армию, после чего отбили и вернули византийцам весь полон, ранее захваченный славянами. С тех пор мы больше не встречаем имени князя Добряты. Следует предположить, что он погиб в одной из битв или оказался в плену и был казнен аварами: каган отомстил за убийство послов.

Но словене, разумеется, не признали себя побежденными, между ними и аварами началась большая война, подробности которой, к сожалению, не интересовали византийских историков. Видимо, в это время авары отобрали у славян Чехию и Словакию, а затем распространили власть на территорию нынешней Австрии, которую заселили славяне-хорутане.

Через несколько лет авары захватили земли дунайцев, после чего стали переселять покоренных славян уже на Балканы. Там оседали предки нынешних болгар. Перипетии этих войн мы рассмотрели в книге «Анты. Загадка исчезнувшего народа».

Баян то мирился со «склавинов», то воевал и в итоге превратил в младших партнеров. Анты героически сражались в этой войне на стороне Византии. Однако византийская армия взбунтовалась в 602 году против тогдашнего императора **Маврикия (582–602)**, и ее поддержали партии цирка. Коррупцированный и скупой император был ненавистен очень многим, и произошла революция.

Для антов это означало катастрофу, потому что они остались без единственного союзника. В 602 году анты были разбиты аварами, да так, что перестали существовать. Больше всего пострадали сербы. Их знать была вырезана, а народ снялся с мест и начал переселение. Это была первая сербская Голгофа. Миграция заняла несколько лет. Уцелевшие сербы бежали или были переселены аварами далеко на Запад, на берега Эльбы, в область Лужица. Здесь они перешли в подданство франкских королей и получили название лужицких сорбов, лужичан.

3. Гибель державы дулебов

Настал черед «склавинов». Надо думать, они приютили бежавших с Дуная хорватов и сербов, за что и понесли наказание. Вспыхнула война, закончившаяся полным разгромом «склавинов». Их *мусок* погиб, дулебы рассеялись. Некоторые дулебские роды авары переселили в Чехию, остальные погибли.

Непонятна роль хорватов в этой войне. Возможно, часть народа предала «склавинов» и осталась в Карпатах после погрома. Это *белые хорваты*. Белый цвет обозначает у кочевни-

ков старшинство или свободу от выплаты дани. Не говорит ли это о том, что часть хорватов предала в решающий момент антских князей и перешла на сторону аваров, в результате чего обрела известные привилегии? Возможно и другое. Авары покорили хорватов, но затем начали военные действия против дулебов. Может быть, часть хорватов воспользовалась этим и напала на дулебов вместе с аварами, желая отомстить за прежние обиды? Взамен аварский каган дал белым хорватам некие привилегии...

Другая часть хорватов отправилась по приказу кагана в Чехию и поселилась в Судетах, которые напоминали славянам родные Карпаты, да и были, в общем, ответвлением этой горной системы. Жили «склавины» и в верховьях Вислы вокруг позднейшего Кракова. Их назвали *черные хорваты*. Черный – цвет подчинения у кочевников и славян: выражения «черный люд», «чернь», «черная кость» – из этой цепочки.

Третья часть хорватов позднее уйдет в Далмацию. Там она живет и поныне. Это *красные* (то есть прекрасные) *хорваты*. Туда же переселится и часть сербов с Эльбы.

Лишь два источника говорят кое-что о трагических событиях той эпохи. Это – русская Повесть временных лет (точнее, тот отрезок, который зовется Начальной летописью) и византийское сочинение «Об управлении империей», написанное ученым царем **Константином VII Багрянородным (913–959)**.

Хронология и сами факты в них изложены довольно беспорядочно, поэтому для того, чтобы восстановить события, следует прибегнуть к гипотезам. Они таковы.

Мы точно знаем, что в 602 году, сразу после начала революции и гражданской войны в Византии, из хроник исчезает упоминание вожества антов. Значит, анты были разбиты. Около этого же времени началось наступление «склавинов» на Балканы, но его подробности неизвестны, как неизвестны и точные датировки. Что же могло произойти?

В Повести временных лет есть знаменитая фраза о том, как авары (летописец зовет их *обры*, что ближе к первоначальному звучанию; сам народ называл себя *абар*) «примучивали» дулебов. «Си же обри воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женам дулебским: аще поехати будяше обрину, не дадяши впрячи коня ни вола, но веляше впрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу и повести обрена, и тако мучаху дулебы». Автор повести относит событие ко времени византийского царя **Ираклия I (610–640)**. Так ли это? Или хронология немного сместилась и нам нужно отнести рассказ летописца к царствованию **Фоки (602–610)**? Этот вопрос не имеет точного ответа. Летописец мог ошибиться и спутать даты. Но для нас это имеет огромное значение, потому что именно в первые годы правления Фоки, а не Ираклия Балканы захлестнуло нашествие славян. Не было ли оно результатом разгрома дулебов аварами?

Впоследствии на Буге на месте дулебов появятся волыняне. Это произойдет в результате восстания против аваров. Имя волынян происходит от «вольности». То есть свидетельствует, что народ освободился (от власти аваров). Являлись ли волыняне потомками дулебов? В какой-то мере да, но возможно, что это просто новый субэтнос, сформировавшийся из славянских племен, пришедших в разгромленную Дулебию. Перед нами не «дети» дулебов, а «племянники».

4. Ляхи и кривичи

После уничтожения дулебов какое-то число славянских родов бежало на северо-запад, к берегам Балтики. Так появились племена лютичей и поморян. Кроме того, в Великой Польше возник племенной союз ляхов, или лехитов. В него вошли предки современных поляков, но не только. К числу ляхов относят известные по русским летописям племена *радимищей*, *вятичей* и *кривичей*.

Возможно, союз лехитов был тотчас покорен аварами, которые доходили в своих набегах до Мазурских озер и Померании. Но аварская звезда быстро закатилась. В 626 году они потерпели поражение под стенами Константинополя от византийцев. После этого против кагана восстали славяне Хорутании, Богемии, Моравии и Словакии. Их предводителем сделался кельтский купец Само. Обоснование датировки восстания см. в нашей книге об антах (франкский хронист Фредегар в своей хронике дает более раннюю дату).

В это же время против захватчиков восстали и славянские роды на прежней земле дулебов, обретшие свободу под именем волынян.

Еще одно восстание вспыхнуло в земле белых хорватов, и тоже удачное. Земли от берегов Днестра до Кракова и Татр обрели свободу. Это повлияло на судьбы ляхов.

* * *

Польские легенды о первых князьях туманны. В летописи, автором которой считается человек с условным именем Галл Аноним, о начале польской истории говорится очень смутно. Больше сведений содержится у Винцентия Кадлубека и анонимного автора «Великой хроники». Из старинных легенд явствует, что давным-давно лехитами правил некто **Крак**, в честь которого назван Краков. Это явный отголосок господства хорватов, но только не в Великой, а в Малой Польше: город Краков расположен именно там. У Крака была сестра – прекрасная Ванда. По ее имени, считает хронист, лехиты стали называться *вандалами*. А это уже отзвук переселения славян на земли вандалов в Силезии и прилегающих областях. Считается, что часть этого германского племени (известная как вандалы-*силлинги*) жила здесь на заре новой эры и дала Силезии свое имя.

Затем рассказ «Великой хроники» без видимой связи с предыдущими событиями перемещается в Великую Польшу. Видимо, это значит, что авары разгромили вождество краковских славян и те бросились кто куда. Часть беглецов осела в Великой Польше.

Поляки избирают князя по имени **Лешек I** и в связи с этим возвращают себе название «лехиты» уже как люди Лешека. Этот князь не имел детей (явное указание на то, что власть не была наследственной, а вождей выбирали на собрании воинов).

Трудно вычленишь рациональное зерно в этих рассказах. Путаница усугубляется головокружительными хронологическими пассажами польского летописца. Крак у него – современник ассирийского правителя Ассуера (иногда под ним понимают персидского Артаксеркса), Лешек I – сверстник Александра Македонского, а Лешек III (о нем ниже) – уже Юлия Цезаря. После этого сменилось три поколения, и на свет появился легендарный Пяст – основатель польской княжеской династии. Времена Пяста можно с большой долей уверенности отнести к VIII веку. То есть Лешек III и его потомки жили в среднем по триста лет...

Перед нами – извечное желание народа показать свою древность по отношению к соседям и связать прошлое с кем-нибудь из известных людей. Что же происходило в Польше на самом деле?

Данные археологии и логика вещей позволяют сказать, что капля правды в рассказе хрониста есть, хотя многое перепутано.

Действительно, сперва все польские племена обосновались в Малой Польше. Это было во второй половине VI века, когда от «родительского» племени дулебов, живущего на Воляни, отпочковывались молодые вождества. Все вместе они составляли федерацию «склавинов», которой управлял вождь с иранским титулом *мусок*. Безусловно, на территории Польши славяне взаимодействовали с остатками германцев-вандалов, часть которых оставалась в Силезии, а часть продвинулась на земли кельтов или германцев – *лугиев* в той же Малой Польше. Видимо, времена условной «Ванды» нужно ставить впереди эпохи Крака.

В первом десятилетии VII века происходит нашествие аваров, которые сперва разгромили антов на Днепре, а затем обрушились на «склавинов». Тогда-то на берега Вислы и приходит мифический «Крак» – хорватский князь, а сербы убегают от аваров дальше и находят приют в Лужице.

В. Грабеньский, автор популярной «Истории польского народа», считает Крака современником князя Само, и, возможно, так оно и было, хотя, конечно, хронология очень условна.

В Польше воцаряется хаос, аварские отряды доходят до Мазур. Часть малопольских племен – *лехиты* – бежит на север во главе со своими старейшинами – лешеками (легенда объединила их в образе Лешека I). *Лехиты* спасаются от аваров на территории Великой Польши.

Аварское господство в этих краях быстро сходит на нет. Появление государства Само, а затем Болгарского каганата на Балканах отвлекает внимание аваров от территории Польши. Белые хорваты и лехиты предоставлены сами себе, между ними вспыхивают усобицы. Результатом становится то, что по меньшей мере два племени лехитов – *радимичи* и *вятичи* – бегут от этих безобразий далеко на восток. Первое находит новую родину на Среднем Днепре, второе – в рязанских и брянских лесах. Возможно, с ними переселяются также *дреговичи* и *кривичи*. Возможны уточнения: те же дреговичи могли отделиться от кривичей позже, уже на территории Восточной Европы, о чем мы скажем в своем месте.

Дата переселения остается спорной, оно могло произойти и вне связи с аварским нашествием. Например, после свержения легендарного польского князя Помпилиуша Хотышко, о чем поговорим ниже.

Хорваты остаются самым многочисленным вожжеством в Карпатах, но очень рыхлым. Далее наступает эпоха Великой Моравии, и мораване подчиняют хорватов.

В IX веке приходит время вторжения венгров и нового хаоса, после чего чехи и черные хорваты создают «Великую Хорватию» как наследственную державу во главе с единым князем. В это время границы Чехии/Хорватии простирались далеко на восток. Чехам подчинилась Силезия, Малая Польша и Галичина.

Тогда же в районе Гнезно возникает новая польская династия Лешек, представителям которой удалось расширить вожжество лехитов и присоединить к нему соседние племена. Династия включала четырех князей: **Лешека II**, **Лешека III**, **Помпилиуша I** и **Попеля (Помпилиуша II Хотышко)**. Прозвище Хотышко переводили как «метелка», ибо на голове князя вместо шевелюры торчал пучок волос.

О Попеле говорят Галл Аноним и Винцентий Кадлубек, о Помпилиуше – автор «Великой хроники». У Галла читаем, что Хотышко – это вообще отдельный персонаж. Так что вопрос запутан даже здесь. Логична версия «Великой хроники».

Она сообщает, что Помпилиуш Хотышко был дурным правителем: «В самом деле, он больше стремился водить с девушками хороводы, нежели вести войны, вследствие безудержного стремления к постыдной роскоши и из-за лени стал нерадивым» (Глава 6. О Помпилиуше втором).

«По совету бесстыдной жены» Помпилиуш расправился со своими дядьями, то есть со старейшинами лехитов. Это прямое указание на раскол общины и на выступление бояр против власти князя. В вожестве начались распри, Хотышко потерял значительную часть территориальных приобретений, сделанных предками.

Кончилось политическим переворотом, в результате которого община свергла непопулярного князя, отдав власть одному из крестьян – **Земовиту**, сыну Пяста. По имени последнего, который, похоже, никогда не правил, а был просто одним из видных членов общины, – династия лехитов получила название Пясты. Главное племя лехитов обитало вокруг города Гнезно («гнездо»). По-видимому, следует заключить, что из осколков старых родов возникло новое вожжество, которое приступило к завоеванию соседей.

Легенда гласит, что Хотышко был съеден мышами после того, как бежал «в какую-то высоченную башню» (выражение «Великой хроники»). Видно, он был осажден врагами и умер во время осады.

Есть ощущение, что именно эти события, а не более ранние привели к переселению радимичей, вятичей и кривичей на восток, после чего союз лехитов сжался до окрестностей Гнезно. То есть переселились племена, верные Помпилиушу Хотышко. Впрочем, хронология настолько запутанна, а легенды столь туманны, что мешают сделать окончательный вывод.

А что же происходило в Восточной Европе? Какова была расстановка сил на Днестре, когда в эти места переселились кривичи и их родня?

5. На новой родине

На Днестре и в Поросье после разгрома антов археологами обнаружена так называемая *мартыновская археологическая культура*, в которой прослеживаются германские черты. По нашему мнению, это свидетельствует о том, что на реке Рось живут германцы-руги, переселившиеся сюда еще во времена готов. Руги стали подданными аварского кагана. В это же время славяне, спасаясь от аваров, бегут в Полесье и прилегающие земли – на Северщину и Смоленщину.

Расселяются не на пустом месте. В эпоху остготов, создавших крупную, хотя и непрочную державу в Восточной Европе, Полесье и земли к северу от него занимали балтийские племена. Видимо, они пришли сюда из Пруссии вместе с готами. Информацию о той эпохе можно получить из наших книг «Довмонт» и «Руги и русы», где рассказывается о расселении готов и балто-литовцев.

Часть славян пришла в страну, населенную балтами, и ассимилировала их. О военных столкновениях воспоминаний нет. Имело место мирное проникновение, но почему? Земли не бывает много, сражаются за нее отчаянно. Гипотеза лишь одна: резкая перемена климата. Количество пригодных для жизни земель увеличилось, и славяне воспользовались возможностью для колонизации северных территорий. Некоторые археологи относят первые славянские поселения в районе Смоленщины уже к VI веку, но это очень сомнительно. Сделать такие выводы мешает анализ политической ситуации. Похоже, склавины наступали на запад и занимали земли, оставленные германцами. Анты были заняты борьбой с теми же «склавиными». А Смоленщину населяли балты, самым известным племенем из которых была *голядь*. Это племя еще долго обитало в районе города Торопец. В Пруссии известно вождество с аналогичным названием, это *галинды*. Оттуда, с берегов Балтики, и выселялись пруссо-литовцы еще во времена готского короля **Германариха (IV век н. э.)**. Думается, таких племен с «параллельными» названиями поначалу имелось в этих краях гораздо больше, но известность получили только галинды.

Версия подтверждается находками археологов. По их данным, территория будущей Смоленщины до III–IV веков н. э. населена восточными балтами, которые оставили после себя предметы так называемой *днепро-двинской культуры*. В VI–VIII столетиях ее сменяет так называемая *культура типа верхнего слоя Тушемли*. Авторитетные археологи П.Н. Третьяков и В.В. Седов относили ее к балтской, то есть объявили прямым продолжением *днепро-двинской культуры*, что логично. Но Э.А. Сымонович поспешил объявить ее славянской (?). Это означало бы, что кривичи явились в верховья Днестра уже в VI веке, что абсурдно с точки зрения расстановки сил в это время.

В VII–IX веках в Смоленщину из Псковщины распространилась *культура длинных курганов*. По В.В. Седову, это славянская культура, но по мнению некоторых других ученых – опять же балтская. Отметим большое сходство материальной культуры балтов и славян для

этого времени и признаем ограниченность археологических методов исследования в чистом виде.

Автор данной работы при первом знакомстве с вопросом счел *культуру длинных курганов* славянской, склоняясь перед авторитетом В.В. Седова и других исследователей. Но думается, что эту гипотезу нужно пересмотреть. Главный аргумент – проникновение *культуры длинных курганов* на Смоленщину из Псковской земли: не с запада, а с востока. (Оговоримся, что «Смоленщина» и «Псковщина» для этого времени – названия условные, так как нет еще ни Смоленска, ни Пскова.)

Возможен крайне осторожный вывод, что какие-то славяне уже переселились в верховья Днепра после аварского нашествия, но этот вывод очень зыбок для того, чтобы отождествить *культуру длинных курганов* с кривичами. Перед нами не кривичи, а в лучшем случае некие разрозненные славянские роды, перемешанные с балтами. Либо (и мы склоняемся к этой мысли) – просто балты.

Согласимся с крайне взвешенным мнением Л.В. Алексеева, который говорит о заселении Смоленщины так: «О бесспорно славянских племенах здесь можно говорить лишь с IX в. То были кривичи, “иже съдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра”, как говорит летопись» (Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX – XIII вв. Смоленское княжество: территория, заселенность, границы). Отметим важный вывод, сделанный Алексеевым: бесспорно говорить о приходе славян в верховья Днепра можно лишь с IX века. В крайнем случае эту датировку следует ненадолго удревнить, и тогда мы получим конец VIII века, что, видимо, соответствует перевороту против Помпилиуша Хотышко в Великой Польше и бегству трех племен на восток – радимичей, вятичей, кривичей.

Главным из них было, несомненно, племя вятичей. Летописец полагает, что название произошло от имени князя Вятко, или Вячко, но на самом деле перед нами – *вятские*, «лучшие» люди: лидеры союза племен. Может, из них и происходил Помпилиуш Хотышко? Падение Помпилиуша означало конец власти вятичей в союзе лехитов. Кстати, *лехиты* – это тоже «лучшие» люди, родовая знать. Потерпев поражение в Великой Польше, вятичи и их друзья отправились на поиски новой родины.

Но чтобы понять расстановку сил, нужно обратиться к описанию восточных славян.

Южнее полесских болот расселились *древляне* – ветвь союза «склавинов». После гибели дубов древляне обрели независимость и управлялись «светлыми князьями» – скорее всего, выборными лидерами. Последним из этих *светлых князей* был летописный Мал во времена Игоря Старого и Ольги Святой.

Кроме того, видим загадочное племя *полян* на Днепре. Кто они в этническом смысле? Шведы, если принимать на веру теорию норманистов? Или это славяне, *росичи*, если верить домашним патриотам? Письменный источник можно толковать по-разному. Летописец недостаточно ясен в своих объяснениях.

Л.Н. Гумилев предложил компромиссную версию, согласно которой *поляне* – это те, кто ходит *полевать*, богатыри. Следовательно, перед нами вообще не этнический термин, а название «профессии». Источниками эта версия не подтверждена, но в летописях есть не всё.

Примем как рабочую версию: за камуфляжем «полян» скрываются «русы», и эти русы – не славяне, но потомки рогов, германцы. Сперва это «готская стража» на Днепре, затем – войско аварского кагана, вовремя предавшее славян.

В Восточной Европе жили и другие славянские племена. Это прежде всего *северяне* вокруг Сновска – родового поселка, который был тогда культовым и политическим центром племени. Л.Н. Гумилев считает, что северяне – это *сабиры*, древнее угорское или самодийское племя, распространившееся от Сибири до Предкавказья. По мнению ученого, часть сабиров, поселившаяся на Десне, ославянилась и приняла имя северян.

Волинь занимали *вольняне*; в нынешней Молдавии и Бессарабии жили *тиверцы*. Все эти племена образуют самый древний пласт славян. Их легко узнать по окончаниям *-яне, -ане, -цы*. Единственное исключение – словене, которые переселились на берега Ладожского и Ильменского озер довольно поздно, может быть, даже одновременно с переселением кривичей, радимичей и вятичей. Словене – это племя, сложившееся из различных родов полабских славян. Примерно в VIII столетии они высаживаются на берегах Невы, куда прибыли морем, и поселяются в Старой Ладоге. Надо полагать, перед нами – переселенцы-неудачники, подобные древнегреческим колонистам, искавшим счастья вдали от своей метрополии. На берегах Ладожского озера мигранты утратили полабские племенные названия и поменяли их на новое имя – *словене*, чтобы противопоставить себя местным неславянским жителям.

Из Ладого словене начинают завоевательные походы на финские племена (чудь), которые переселились в эти места на пару столетий раньше. Заметим мимоходом, что это развитие событий не оставляет места для скандинавов в русской истории. У скандинавов происходили сходные процессы выселений, переселений и взаимной борьбы. Но подробности этих событий, увы, неизвестны. Саги – источник еще более ненадежный, чем легенды о Кие, внесенные в русскую летопись, или предания о Ромуле, заботливо обработанные Титом Ливием. Большую путаницу внесли скандинавские националисты в XIX веке, на основе саг «удревнив» первые скандинавские королевства и отнеся их начало к VI веку; ровно то же самое сделали с Киевской Русью наши ученые, даже датировки совпадают. Но скандинавскую «ересь» западные европейцы освятили и ввели в состав академической науки, а к исследованиям русских ученых относятся не просто пренебрежительно: их не замечают.

Ясно одно: когда словене явились в Ладугу, никаких скандинавов там еще не было. Они появились позже.

Славяне вели колонизацию Восточной Европы одновременно с севера и с юга. Ладожских *словен* и южные племена разделяли балты и финны.

Балты к VIII веку сильно продвинулись с запада на восток и занимали территорию нынешней Польской Пруссии, Калининграда, Литвы, большей части Латвии, Белоруссии, Смоленской и Псковской областей и даже расселились к востоку от этих регионов, где столкнулись с чудью. В этот момент им в тыл и ударили славяне, переселившиеся от ляхов.

6. Кривичи и Русский каганат

Балты были разобщены и любили расселяться широко, просторно, как и сами славяне. Это сыграло с поклонниками богов Лаймы (счастья) и Перкунаса (громовержца) злую шутку.

В конце VIII или в начале IX века из Великой Польши выселилась группа славянских родов, названия которых заканчиваются на *-ичи*. Нестор специально указывает, что «от ляхов» вышли радимичи и вятичи, названные по именам своих предводителей, коих звали Радим и Вячко. Кривичей среди них нет. Не значит ли это, что они ушли первыми?

Надо полагать, в начале IX века случилось столкновение между первой и второй волнами славянских племен (то есть племена, названия которых заканчиваются на *-ичи*, пришли и потеснили более ранних поселенцев с окончанием *-яне*).

В свое время академик А.А. Шахматов предположил, что переселение произошло около 800–809 годов, а его причиной стали походы на славян Карла Великого. Но согласиться с этим нельзя. Походы Карла в земли славян не носили характера нашествия. Радимичи, вятичи, кривичи переселились из земли лехитов не под воздействием франков. Это связано только с политическим переворотом в Великой Польше в результате гибели старой династии лешек и прихода к власти Пястов.

Переселение могло происходить несколькими волнами: сперва снялись кривичи, затем – радимичи и вятичи. В этом случае мы вправе предположить, что миграция двух последних

племен повлекла за собой войну на Днепре, потому что места для переселения были заняты... Кем?

В конце VIII века на Днепре существовал Русский каганат. Такое название дали ему арабские путешественники (они называли русского князя *хаканрос*), но не только. В Бертинских анналах под 839 годом встречаем странное сообщение о том, что византийский император **Феофил (829–842)** отправил посольство в Западную Римскую империю. «С ними [послами] он [Феофил] прислал ещё неких [людей], утверждавших, что они, то есть народ (*gens*) их, называются *рос (Rhos)* и что король (*rex*) их, именуемый *хаканом (chacanus)*, направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы» (Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. С. 19–20. См. также иной перевод Бертинских анналов: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Annales_Bertiani/frametext2.htm).

Со скандинавами он никак не мог быть связан: эти племена жили в дикости, были слабоорганизованны, и, кроме того, нет свидетельств, чтобы какие-то шайки норманнов проникли в VIII веке через землю чуди на Ладог, затем через землю балтов на Смоленщине, чтобы прийти в Киев, отрекомендоваться русами и создать каганат, который бы в 839 году уже проявил себя.

Видимо, каганат русов создал в самом конце VIII века князь **Бравлин**, правивший на Днепре. Известия о нем содержатся в Житии святого Стефана Сурожского, мы подробно разбирали этот вопрос в книге «Руги и русы». К ней и отсылаем читателя, интересующегося историографией проблемы.

Создатели каганата – германцы, а именно руги. Они переселились на Днепр вместе с готами в начале новой эры, затем служили аварам и освободились после великих славянских восстаний VII века, когда обрели свободу волыняне, хорваты создали Великую Хорватию, а в современной Чехии – Словакии и Австрии (Хорутании) вознесся князь Само.

В VIII веке днепровские руги покорили северян и, возможно, обложили данью смоленских балтов, что позволило говорить о создании каганата. Если датировка похода Бравлина верна (анализ разных версий позволяет утверждать, что это 787–789 годы), византийцы узнали о русах в конце VIII века, когда Карл Великий создавал свою империю, дунайские болгары расширяли владения за счет Византии, а великий Арабский халифат стал распадаться, теряя африканские эмираты.

После Бравлина о русах ничего не слышно пятьдесят лет. Следующие упоминания содержатся в Бертинских анналах. Кто был правителем, неясно, но каганат уже создан. Затем правит исторически достоверный каган **Дир**.

По нашей версии, в это время на Днепре полыхала война между старыми (-яне) и новыми (-ичи) славянскими племенами. Возможно, этим и вызвано молчание историков той поры о Русском каганате. Руги воевали с пришельцами кривичами, радимичами, вятичами. Кто позвал эти три последних племени на Днепр? Балты? Или славяне, желавшие освободиться от власти ругов? Последнее вероятно.

Но здесь следует остановиться, ибо мы уходим на зыбкую почву догадок, а хотелось бы получить если не факты, то хотя бы обоснованные гипотезы. Говоря о предыстории Руси в IX веке, даже такой крупный аналитик, как Л.Н. Гумилев, оказывается поставлен в тупик, выдвигает несколько противоречивых версий развития событий и в конце концов предлагает неприемлемую концепцию. По его мнению, Киев вообще был центром союза волынян, а не столицей ругов. Арабские путешественники звали их *валинана*. Каганом волынян, по мнению Гумилева, являлся знаменитый Дир, но примерно в 852 году русы под предводительством Аскольда захватили Киев у славян. Дата заимствована из Повести временных лет, которая именно под 852 годом датирует появление *руси*, но вся эта мешанина фактов крайне сомнительна.

Л.Н. Гумилева привело к спорной интерпретации излишнее доверие к арабским текстам. Но арабы писали книгу, как средневековые авторы – картину, и группировали в одном сообщении сведения из разных эпох. В действительности каган Дир – это не славянин. Его имя –

германское, перед нами представитель племени ругов. Да и сами арабские авторы говорят, что руги живут в городах и властвуют над славянами, а не наоборот. Это и есть схема каганата. В нем имеется властная верхушка в военных поселках, которая подчиняет окрестные этносы.

Дату захвата русами Киева в принципе можно принять, но с кем шла война – непонятно. Думается, перед нами не завоевание, а отвоевание: русы и примкнувшие к ним старые обитатели Поднепровья, вроде северян, сражались против пришельцев – кривичей, радимичей и вятичей. Война была столь жестока, что врагам русов удалось временно захватить Киев, но затем они были отброшены и отступили, думается, в Минск, Полоцк и на Смоленщину. Здесь возник союз кривичей, который простирался и на Волго-Окское междуречье – туда, где впоследствии возникла Москва. Приблизительные очертания этого союза можно найти на карте в конце книги (автор – Л.В. Алексеев).

Радимичи осели южнее на Днепре и реке Сож. Вятичи – главное племя мигрантов – бежали еще дальше на восток, где победили финнов и расселились на обширной лесной территории, которая войдет впоследствии в состав Черниговской земли. Это Козельск, Рязань и Муром.

Победа русов над пришельцами имела огромное значение. В ходе войны они сохранили контроль над значительной частью торгового пути, идущего по Днепру. В то время, когда летописный Рюрик утвердился в Ладоге (862?), южные русы шли, казалось, от успеха к успеху. Каган Дир выиграл сражения на севере и покорил несколько славянских племен. В 860 году он пошел на юг и напал даже на Константинополь, взял с него дань, после чего заключил союз с Византией и принял крещение по греческому обряду. Казалось, державу русов ждет блестящее будущее.

7. Смоленские кривичи

В 864 году вместе с мадьярами *хаканрос* воюет против дунайских болгар. Болгарских всадников отогнали от берегов Днепра, а сама Болгария вскоре крестилась, что византийцы сочли за свою победу. После этого Дир вновь обратился на север, чтобы добить своих врагов – кривичей и радимичей.

В 865-м последовали поход русов на Полоцк и покорение этого города. «Того же лѣта воеваша Аскольдъ и Диръ Полочанъ и много зла сотвориша» (см. Русскую летопись по Никонову списку, статья под 864 годом). «Зло князей в Полоцкой земле подтверждают... 4 клада, зарытые там, вероятно, одновременно, – пишет Л.В. Алексеев. – С этим же походом, возможно, связан и клад IX в. у д. Кислая» (Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX – XIII вв. Политическая история. Смоленская земля в IX – начале XII века). Впрочем, И.Я. Фроянов относится к известию Никоновской летописи с осторожностью и полагает, что имели место набеги киевлян на Полоцк, а не завоевание (Лекции по русской истории. С. 832). Но здесь с исследователем согласиться нельзя. Похоже, перед нами именно завоевание Полоцка Аскольдом/Диром, повлекшее за собой раскол кривичей. То есть Полоцк руги захватили, а Смоленщину – нет. Именно поэтому племя и разделилось.

На единство кривичей указал в свое время В.В. Седов, отметив, что в ареале их распространения встречаются браслетообразные височные кольца с завязанными концами. Ни у других славянских племен, ни даже у других групп кривичей (например, у псковских, отделение которых произошло при не вполне ясных обстоятельствах) они не встречаются. Итак, перед нами изначально единое племя, но война с русами привела к разделению кривичей на две половины. Обе ветви кривичей всегда помнили о своем родстве. И даже позднее, когда говорить о племенах применительно к славянам станет неактуально, Полоцк и Смоленск «тянут» друг к другу.

Надо полагать, что завоевание Диром Полоцка привело к появлению еще одного племени – *дреговичей*, которые, видимо, убежали в болота Полесья после падения Полоцка.

Значит, 865 год (плюс-минус несколько лет) следует считать годом обособления позднейшей Смоленщины, которая изначально, когда кривичей, радимичей и вятичей отогнали от Киева, была частью Полоцкой земли. Что касается имени Аскольд, то похоже, оно упомянуто по ошибке. Дир действовал один, Аскольд появится позже.

П.В. Голубовский выдвинул мнение, что первоначально Смоленск имел статус «пригорода старого Полоцка». «Этнографическая связь смоленских и полоцких кривичей еще создавалась, – полагает он, – и самый Смоленск играет роль важного торгового пригорода старого Полоцка» (*Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. С. 260*). С этим мнением полностью согласиться нельзя. Начнем с того, что в это время ни Смоленска не было, ни современного Полоцка и, уж во всяком случае, не были они торговыми городами. Неподдалеку от Смоленска находился родовой поселок, известный археологам под условным названием «Гнёздово». В нем жили кривичи и собирали дань с местных балтов. Может, поселок тоже назывался Смоленском, а может, и нет. Такие ученые, как А.Н. Насонов, А.А. Спицын, А.Н. Лявданский, именовали Гнёздово «Старым Смоленском».

Современный Смоленск возник сто лет спустя, в X веке, во время так называемого «переноса городов». Тогда же, например, появился Чернигов.

Древний Полоцк – поселение кривичей – тоже был родовым поселком. Его судьба гораздо трагичнее, чем у Гнёздова. В конце X века на город напал Владимир Красное Солнышко и до основания разрушил, а людей угнал. Город с аналогичным названием – Полоцк – построил правнук Владимира, Всеслав Вещий, но уже на новом месте.

Независимость смоленских кривичей продолжалась недолго. В 869 году Дир нападает на радимичей, покоряет их и нападает на Гнёздово. Война заканчивается победой русов; Дир обложил кривичей данью и стал господином важного торгового пути на реке Днепр. Но обратного объединения кривичей не происходит. Может быть, в Полоцке вообще сидят наместники-руги. В Смоленске сохраняются собственные князья. Скорее всего, по этой причине смоляне не любят ругов и через пару десятков лет легко покоряются Олегу Вещему. Но – обо всём по порядку.

Коль скоро зашла речь о ругах, необходимо коснуться так называемого норманского вопроса. Археологи находят довольно много «скандинавских» захоронений того времени и в Полоцке, и в Гнёздове. Несомненно, какой-то процент скандинавов среди них есть. Но вот что странно: мужчины-воины в этих погребениях похоронены с оружием, которое не является скандинавским. Например, в могилах лежат островерхие шлемы, а скандинавы носили овальный шлем с наличником, вроде железного котелка. Это заставляет предположить, что захоронены в могилах не викинги, а *русы* (руги), составлявшие ударную силу армии Дира.

8. Падение Русского каганата

Племенная держава Дира оказалась не прочнее древнего остготского государства Германиха, просуществовавшего в своих максимальных границах лет пять. Похоже, что по мере завоеваний ругами соседних земель нарастали противоречия. Возможно, Дир и его соратники разделили славянские племена на две части: старые вожества (*-ане* и *-яне*) пользовались правами наравне с русами, а новые (*-ичи*) рассматривались как объект грабежа. Арабские авторы рисуют русов как господствующую касту, которая живет в укрепленных поселках и торгует славянскими рабами. Этому свидетельству можно верить, ибо оно вписывается в картину русских завоеваний второй половины IX века. Русь чем дальше, тем больше похожа на каганат, какой эта форма правления была в то время: возвышается один этнос и начинает угнетать другие. Эта модель была воплощена жужанями, тюркютами, аварами и болгарами. Пока русы

были слабы, они общались со славянами на равных. Но как только возникли условия для возвышения, этнос-господин стал угнетать славян. Однако пришельцы-лехиты (этнотопоним с суффиксом *-ичи*) не для того уходили с берегов Вислы на Днепр, чтобы попасть в зависимость от русов. Следует предположить, что смуты и восстания шли друг за другом, русы вели постоянные войны на Днепре все эти годы, выигрывали сражения и продавали проигравших в рабство, чем умножали ненависть со стороны побежденных. Такие восстания – гипотеза, но очень достоверная. Каганат – жесткая система, мятежи против тюркютов, жужаней и аваров тоже не прекращались. Выступления угнетенных жестоко подавляются, следуют массовые экзекуции – казни, продажи в рабство, – но система столь тяжела, что бунты повторяются раз за разом. То же самое можно видеть в еще одной варварской и примитивной системе – еврейском каганате в Хазарии. Нет причин идеализировать русов и считать, что их каганат отличался от перечисленных и был мягче, гуманнее, справедливее, чем еврейский, болгарский, аварский.

* * *

В это же время смуты потрясли самый северный оком славянских земель – окрестности Ладоги, где жили словене. В эти земли проникли варяги и скандинавы (это не одно и то же). Искатели удачи иногда захватывали власть, иногда терпели поражения и разбегались кто куда, в том числе к русам в Киев. Очевидно, что беглецов Дир принимал с распростертыми объятиями и зачислял к себе в дружину. Так в числе его приближенных мог появиться пресловутый Аскольд (Хаскульд скандинавских саг).

Похоже, что приезд Аскольда в Киев сделался роковым для Дири. Через какое-то время случился переворот. Пришельцы потребовали пересмотреть собственный статус и из слуг превратились в равноправных партнеров кагана. Возможно, на время Аскольд и Дир даже сделались соправителями. Затем Дир умирает (или его убивает Аскольд, или *хаканрос* гибнет во время подавления очередного мятежа славян). Может быть, переворот случился уже после смерти/гибели Дири, и Хаскульд захватил в Киеве власть, пользуясь междуцарствием. Но сам факт несомненен.

После смерти Дири его государство распалось. Аскольд урвал себе кусок державы, а часть владений забрали скандинавы и предводители отдельных отрядов русов, стоявших гарнизоном в отдаленных поселках, – военные шайки, оставшиеся без хозяина после смерти Дири. Возможно, одна из таких банд захватила Полоцк, другая обосновалась под Гнёздовом. Кривичи остались политически разделены.

В то же время племена «восточных» лехитов обрели свободу: дреговичи, кривичи, радимичи больше не зависят от Киева, а вятичи отстаивали вольность еще при жизни Дири. После его смерти государство русов сократилось до Южного Поднепровья, а точнее – до Киева и окрестностей. И тут на сцене появились хазары, которые перешли в наступление, покорив в ходе нескольких кампаний радимичей, вятичей и северян. Смоленские кривичи отстаивали свободу, их нет в списке плательщиков хазарской дани.

9. Гроза

В то же время драматические события происходят в стране ильменских словен. В 862 году состоялось знаменитое «призвание варягов». О том, кто такие варяги и почему их невозможно считать шведами, мы подробно рассказали в книге «Руги и русы».

Надо полагать, что варяг – это профессия. В варяги шел всякий сброд из руянских и полабских славян, финнов, скандинавов. Наличие руян могло запутать историков, ибо эти славяне были потомками ругов, то есть собственно русами. Возможно, впрочем, другое. «Север-

ными русами» были норвежские руги, жившие в Ругалане. Для современных политиков это не имеет принципиального значения, но с точки зрения чистой науки – очень и очень важно.

Загадки начинаются сразу с того момента, когда предводитель варягов таинственный князь Рюрик выходит на авансцену. Достоверные годы его правления – 863–864-й, когда князь подавляет в Ладогe восстание словен под предводительством Вадима Храброго. Об этом говорится в Никоновской летописи. Одновременно гибнут братья Рюрика – Синеус и Трувор: предводители двух дружин, посланные на завоевание чуди. Возможно, именно тогда Рюрик обращается за подмогой к скандинавским купцам и пиратам – например, к тем же ругам из Ругалана. После чего «основатель династии»... исчезает со страниц летописи вплоть до 879 года, когда удивленным читателям сообщается о его смерти. Очевидно, Рюрик на самом деле погиб в 864 году в боях против чуди или был устранен своими поделщиками-пиратами из Ругалана. Вождями варягов стали «Олеги» (условное имя-титул, калька со скандинавского «Хельги»).

На заре этих мрачных событий северные русы построили крепостцу Новгород (В.Л. Янин уточняет, что город здесь образовался позднее из трех поселков: финнов, словен и, видимо, кривичей), где хранили добычу, и создали разбойничье королевство; словене в нем выступали на равных. Это видно, в частности, из текста Русской Правды, где в первой статье за убийство «словенина» и руса назначена единая *вира* – 40 гривен. «Оубъеть моужь моужа, то мьстить братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу (а), любо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову; аще боудеть роусинь, любо гридинь, любо коупчина (б), любо ябетникъ, любо мечникъ, аще (в) изьгой боудеть, любо словенинь, то 40 гривенъ положити за нь» (Русская Правда. Ст. 1). Это помогает объяснить, почему варяги удержались на севере. После первых недоразумений они объединились со словенами и отправились покорять соседние народы – чудь, балтов и других славян.

Сложилось двоевластие. Войсками командовали «Олеги». Это искаженное скандинавское «Хельги», которое славяне переводили как «Вещий». То есть традиционное сочетание «Олег Вещий» – тавтология. Перед нами титул жреца и воеводы. Анализ письменных источников позволяет предположить, что таких «Олегов» в 879–944 годах было трое (аргументация – в нашей книге «Руги и русы»). Они правили при князьях, носивших имя Игорь/Ингвар. Возможно, эти «Игори» – потомки Рюрика. А может, и нет. Образовалась система, сходная с той, что имела место на острове Руян, где также существовали равноправные князь и жрец, делившие власть.

Человек, которого мы условно называем «Олег I» (то есть летописный Олег Вещий, принявший власть после Рюрика), был суровым и достаточно эффективным правителем. Он завершил объединение земель вокруг Новгорода и обложил данью окрестные финские племена. Не исключено, что Олег покорил Псковщину, и с тех пор этот край, населенный балтами и кривичами, сделался частью Новгородской земли. Думается, сюда бежали кривичи после северных походов Диры. Самого Пскова еще не было, главным поселением являлся Изборск.

Олег мыслил гораздо шире пределов Новгородской земли. Правитель обратил внимание на Днепровский торговый путь, обладание которым сулило большие материальные выгоды, и пожелал взять его под свой контроль. Первыми на пути оказались смоленские кривичи.

Согласно Повести временных лет, в 882 году «Олег I» отправился войной на «Старый Смоленск» – Гнёздово. «Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своего мужа», – сообщает Повесть временных лет в статье под 882 годом. Непонятно, кто правит смоленскими кривичами: «светлый князь» или совет старейшин. «Светлый князь» – летописный титул. В арабских источниках мы встречаем термин *свитмалик*, который породил огромную литературу; он означает то же самое.

Понятно, какие кривичи находились в войске Олега: псковские. Перевес сил у него над смолянами был громадный, и те покорились. Думается, не обошлось без боев, которые завер-

пились поражением смолян. С тех пор племя кривичей уже не обретет свободы, а вскоре вообще исчезнет, ибо на месте старых племен появится новый этнос – русичи, образованный путем слияния славян и русов.

Подробности военной операции дает Устюжский летописный свод, известный также под названием Архангелогородского летописца. В него вошли не дошедшие до нас фрагменты смоленской летописи. «И приидоста под Смоленск, и сташа выше города и шатры иставиша многи разноличны цвѣты. Увѣдавше же смольняне, и изыдоша старѣишины их к шатром и спросиша единого человека: “кто сеи прииде, царь ли или князь в велицѣи славѣ?” И изыде из шатра Олг, имыи на руках у себя Игоря, и рече смольняном: “сеи есть Игорь князь Игоревич руский”. И нарекоша его смольняне государем, и влася весь град за Игоря. И посади в нем намѣстники своя» (Устюжский летописный свод. С. 21). Интересно отметить, что Игорь назван Игоревичем. Но серьезные историки полагают, что перед нами простая описка и следует читать «Рюриковичем». Так ли это?

Перед нами картина мирного договора, но куда подевался «светлый князь»? Может, это один из вояк-ругов, осевший в Смоленске и подчинившийся Олегу, то есть ставший его наместником? Или наместник и князь правят параллельно? Или (что вряд ли) князя вообще нет, а общиной правит совет старейшин? Летописные известия столь невнятны, что допускают любую гипотезу.

Итак, Олег занимает Гнёздово, а Полоцк обходит стороной. Двинский торговый путь покамест не интересуется его.

10. Династия «Олегов»

Затем северный завоеватель двинулся на Киев, обойдя стороной радимичей. Они были к тому времени значительно ослаблены в результате войн с Русским каганатом, ютились по течению реки Сож и были обращены в данников хазарами – резко усилившимся еврейским каганатом, который возник на Волге.

Из Гнёздова Хельги «отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил своих мужей». Любеч принадлежал северянам. Таким образом Олег совершает бросок, отсекая южных русов от хазар: Киев был изолирован от возможной хазарской помощи. Оставалось довершить дело. «И пришли (варяги) к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир». Сообщение о Дире многими историками признается ошибкой или фальсификацией, и мы согласны с этим мнением. К моменту прихода Олега Диры уже нет в живых.

Далее видим картину военного переворота в Киеве, учиненного Олегом. «Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам отправился к ним вместе с младенцем (Игорем). И подплыл к Угорской горе... говоря... что “мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, родичам своим”».

При встрече с Аскольдом «купцы» обнажили мечи и убили незадачливого князя при полном равнодушии населения. Это свидетельствует, что Аскольд правил плохо и был непопулярен.

Олег обложил киевлян данью, которая шла в пользу победителей: северных русов, словен и тех же смоленских кривичей.

В 883–885 годах Олег энергично расширяет границы страны, захватывая земли древлян, северян и радимичей. Первое из этих племен было свободным, два других платили хазарам дань.

Казалось, возвращаются времена Русского каганата, только на сей раз объединившегося против хазар. «Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань... И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал». *Щеляг* – это *шиллинг*,

серебряная монета. Или *шэлэг*, еврейское наименование дирхема-драхмы, как считал знаток восточных источников по истории хазар А.Н. Новосельцев. Так или иначе, Олег лишил хазар дохода, забирал себе дань и расширял державу.

Не нужно, разумеется, модернизировать ситуацию и изображать Древнюю Русь времен Олега как централизованное государство. Перед нами довольно примитивная племенная держава, вроде ацтекской. Власть жестока, народ полон суеверий и проникнут, если можно сказать, духом магии. Эту коллизию прекрасно показал И.Я. Фроянов в работе «Рабство и данничество у восточных славян». Ученый как раз предостерег от «державных модернизаций» применительно к этому периоду. Но если рассматривать политическое объединение славян как варварскую державу вроде держав Мотесумы, Германариха или раннего Ямато на Японских островах, всё встает на свои места.

Олег, видимо, вступил в войну сразу с двумя каганатами – Хазарским и Болгарским. Затем хазары, после ряда политических комбинаций, перехитрили русов и сделали их своими младшими партнерами и натравили на богатую Византию, флотоводцы которой разбили русов (вопреки прямому указанию летописи, которая поражение превратила в победу).

Судя по всему, «Олег I» умер в 912 году. Ему наследовал «Олег II», который поднял примерно в 925 году восстание против хазар, проиграл его и бежал в Ладогу, где скончался (от укуса змеи). В это время русы утратили контроль над Днепровским торговым путем и вообще потеряли значительную часть завоеваний «Олега I». Держава превратилась в несколько изолированных вожеств.

Власть принял «Олег III». Он подчинился хазарам, ходил на Византию и потерпел поражение в борьбе с ней в 942 году, затем по приказу хазар отправился за Каспий громить их врагов дейлемитов, вместо этого напал на азербайджанских и ширванских союзников хазар, умер от дизентерии в Ширване, а его воинов хазары перебили после их возвращения на Волгу (944).

На Руси полноту власти обрел **Игорь Старый**, но правил недолго, ибо пал в походе против собственных данников – древлян (945). Наследник Игоря, **Святослав (945–972)**, сверг иго хазар и разгромил их страну (за исключением Тмутаракани, которая пыталась восстановить прежний каганат и, похоже, союзничала с племенем северян). Затем Святослав, вместо того чтобы восстановить державу на Днепре, отправился на Дунай грабить болгар и византийцев, а в итоге сложил голову в битве с печенегами. По мнению Л.Н. Гумилева, нападение печенегов подстроила киевская община, которая не хотела возвращения князя.

11. Рождение Руси

Святослав впервые попытался покорить последнее племя мигрантов «от ляхов» – вятичей, но не преуспел. Вятичи согласились было платить дань, но потом отложились. После смерти Святослава его держава вообще находилась на грани распада. В Киеве правил его сын Ярополк, в стране древлян – Олег Святославич, в Новгороде – Владимир (Красное Солнышко). В отдельных землях, формально подчинявшихся Киеву, еще сидели свои «светлые князья».

Владимир ввязался в междоусобную войну в 977 году. Первым делом он напал на союзника Ярополка – полоцкого князя Рогволода. Полоцк был сожжен и уничтожен. Таков оказался страшный конец княжества полоцких кривичей.

В 980 году Ярополк окончательно проиграл войну своему брату и погиб. Владимир оказался повелителем всего Днепровского пути и начал латать страну, как старое одеяло. Страны, впрочем, еще не было. Заслуга князя в том, что он заложил фундамент.

В 981 году Владимир пытался покорить вятичей. Вятичи признали его власть, как прежде признали власть Святослава, но через несколько месяцев восстали. В 982 году восстание было подавлено, племя вошло в состав Руси. Однако оно сохраняло свою обособленность очень долго, и еще в XII веке упоминается как отдельный народ.

В 983 году Владимир напал на ятвягов, победил их и обложил данью.

Через год настал черед радимичей сделаться частью Руси. Владимир покорил их и, конечно, убил местного князя. Свободу сохранили только северяне, связанные с тмутараканскими хазарами. Согласно гипотезе Л.Н. Гумилева, основанной на сообщении Иакова Мниха, великий князь Владимир после 985 года начал войну с хазарами и занял Тмутаракань с Керчью.

Логично предположить, что союзниками хазар были северяне, о захвате которых ничего не говорится в летописи. Мы видим из летописных сообщений, что в X–XI веках Северская земля тесно связана с Тмутараканью. Значит, покорение Северщины состоялось именно теперь, после чего русы отправились в Крым и на Кубань, дабы развить успех и занять Тмутаракань.

Под 992 годом летопись говорит о походе Владимира на белых хорватов. Красное Солнышко последовательно захватывал племена, убивал местных князей и сажал на их место своих отпрысков. Русь объединяли железом и кровью, через трагедии и потери обретая нечто новое – единство и безопасность обширной державы.

В это же время продолжалась война Руси с печенегами, завершившаяся миром к концу X века. В конфликте пострадали племя уличей и последние анты – тиверцы. Они по большей части отошли на север, остатки этих племен поделили водораздельные степи в Молдове и Бессарабии с печенегами. Русь окончательно оформилась как континентальная держава, отрезанная от морей. «Невские ворота» на Балтику и Тмутараканский форпост на Черном море не могли изменить ситуацию.

12. Этническая мутация

Затем начались миграции людей из одного конца державы в другой. Прежние племена исчезли, вместо них образовался русский этнос от Карпат до Ладоги. В конце X века происходит такой феномен, как «перенос городов». Многие города (но не все) меняют местоположение. Вместо Гнёздово возникает Смоленск, вместо Сновска – Чернигов, вместо Сарского городища – Ростов Великий, вместо Медвежьего угла – Ярославль, вместо Волына – Владимир-Волынский и т. д.

И.Я. Фроянов указывает на то, что происходит распад старых родовых связей. Родовые поселки пустеют, вместо них образуются города с народными собраниями вроде полисов Древней Эллады. Ученый прав, но это лишь один аспект, социальный, и он не отменяет процесса этнического. Или, как называет его Фроянов, «цивилизационного»; на наш взгляд, это не вполне точное определение. Но не будем отвлекаться.

Черниговцы и смоляне, новгородцы и суздальцы – это отнюдь не аналог устоявшихся эллинских субэтносов. Перед нами динамичный процесс исчезновения племен и формирования княжеств. Границы княжеств не совпадают с границами племен, что не случайно. Происходят миграции и формирование новых территорий.

Приведем пример. В 1125 году русской столицей был Киев, а между Окой и Волгой располагалась редконаселенная Украина. Однако проходит четверть века, и Залесская Украина становится одной из главных областей Руси. Старые города стремительно разрастаются, рядом возникают многолюдные пригороды (например, Суздаль – «пригород» Ростова) или маленькие городки вроде Москвы, население которых тоже увеличивается. Перед нами не рост населения Залесской Украины вследствие естественного воспроизводства, а массовая миграция.

Население Руси настолько активно, что легко мигрирует с места на место, уже не как племена или роды, а как свободные атомы. Но – только в пределах Русской державы. Никто массово не уходит в Польшу, хотя язык у ляхов и жителей Руси всё еще один.

Следовательно, перед нами не только социальный, но и природный процесс: рождается новый этнос. Вот что крылось и за «перенесением городов», и за исчезновением племен.

Этот процесс виден уже во времена Святослава, когда происходит интенсивная метисация славян и русов. При Владимире он принимает необратимый характер. А при сыне Владимира – Ярославле Мудром – завершается. На месте германского народа русов и массы славянских племен возникает новый этнос – русичи с новой религией (христианством) и новым стереотипом поведения.

Страна остается редконаселенной по европейским меркам, но ее жители осознают свое единство. Князья не оседают в одном городе, а перемещаются с места на место со своими дружинниками и боярами, которым платят «зарплату» мехами и деньгами, но не землями. То есть перед нами не феодализм. «Бродячие князья» и их свиты поддерживают единство Руси самым фактом своих перемещений.

Вывод о рождении Руси в X веке противоречит тезисам Л.Н. Гумилева, который полагал, что современная Россия родилась на Куликовом поле, а X век – время инерции от «славянского» витка этногенеза. Но ряд ключевых признаков, которые любит приводить сам же Гумилев, говоря о рождении этносов, противоречит его утверждению. Эти признаки – смена религии, исчезновение родов и племен, то есть одномоментное преобразование социальной структуры общества, и, наконец, слияние двух разных народов – в нашем случае славян и русов – в новый оригинальный этнос. Всё это мы считаем признаками нового – русского – витка этногенеза. Происходит замечательное историческое событие – рождается Русь.

Старое соседствует с новым, племена исчезают не сразу. Долго еще сохраняется память о былом единстве Смоленска и Полоцка, о том, что дреговичи и псковские кривичи отделились когда-то от этого массива, но остаются родней... Да и родство с вятичами и радимичами, вышедшими «от ляхов», тоже не забыто.

Всё это нужно учитывать при анализе истории и взаимоотношений русских княжеств. Например, в книге о Довмонте мы постарались показать связи между Псковом и Полоцком, основанные на древнем единстве кривичей. Нечто сходное происходило и со смолянами.

Глава 2. Формирование смоленской земли

1. Станислав

Владимир Красное Солнышко, истребив «светлых князей», сажал на их места своих сыновей. В Смоленске он вокняжил одного из младших детей – Станислава. Этот Станислав правит, кажется, до 1036 года (таково сообщение византийского хрониста Скилицы и переписавшего его Кедрена). В Повести временных лет о Станиславе вообще ничего не говорится, а дата смерти весьма подозрительна: она совпадает со смертью Мстислава Тмутараканского, который завладел днепровским левобережьем после ожесточенной войны со своим братом Ярославом Мудрым. Не означает ли это, что Станислав принял сторону Мстислава и после смерти последнего был уничтожен Ярославом? Ничего удивительного в этом нет, хотя прямых доказательств убийства мы не имеем. Есть лишь подозрения: уж очень кстати умирают враги Ярослава Мудрого. Еще одного брата, Судислава, правившего во Пскове, Мудрый в том же 1036 году заключил в тюрьму и держал там до своей смерти.

Что входило в обязанности Станислава, когда он был отцовым наместником? Сбор дани с голяди и кривичей, а также наблюдение за Днепровским торговым путем. Границы волости размыты. Перед нами не Смоленское княжество в привычных рубежах, начертанных еще А.Н. Насоновым и вошедших в школьные атласы. Смоленск того времени – это, скорее, военный форт, предназначенный для складирования дани. Перечень данников неизвестен. На кого посылал Владимир Красное Солнышко своего сына и его дружинников? На голядь/галиндов? Радимичи еще не входили в ареал сбора ценностей. А кривичи? Платили они *дань* или князь ограничивался *полюдьем*? Это разные вещи. Дань – принудительные выплаты вещами или деньгами. Полюдь – добровольный подарок своему князю, приношение от общины. Ученый византийский император Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» дал краткое описание полюдья, которые цитировалось сотни раз. «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно – в славинии вервианов [древлян], другувитов [дреговичей], кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами [данниками] росов. Кормясь там в течение зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав» (*Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 9*). Из этого сообщения Б.А. Рыбаков вывел целую «теорию полюдья» с подробными расчетами княжеского маршрута и разве что не с числом собранной дани. Он считал полюдь формой первичной «феодальной ренты». Это утверждение аргументированно раскритиковал И.Я. Фроянов.

Полюдь выполняло не феодальные, а скорее ритуальные и судебные функции. Князь творил суд и расправу, подолгу жил среди тех, кто нес ему дары, и как бы осуществлял магическую связь с покоренной страной. Но держава была слишком обширна, и Владимир передал часть функций своим сыновьям. Одним из них и был Станислав, поселившийся в крепости на Днепре, из которой вырос современный Смоленск. Можно думать, что кривичи давали ему дары во время *полюдья* и с этим племенем Станислав был связан узами дружбы. А голядь платила *дань*, которая шла на содержание дружины и частично уходила в Киев. Собирал он, видно, и пошлины с проезжих купцов, хотя прямого подтверждения этому нет.

Ну а сами кривичи – как далеко они продвинулись на восток? Во времена Станислава они занимали не только окрестности Смоленска, но и современную Московскую область. В общем, границы волости для нас непривычны.

...Князю Смоленскому требовались ремесленники, обслуга, чиновники, скоморохи. При его дворе можно было выдвинуться, выслужиться, урвать кусок. Там была настоящая жизнь,

и туда потянулись люди. Так опустел родовой поселок Гнёздово и образовался Смоленск. Именно с этого времени начинается распад племени кривичей, распад родового уклада и формирование «городовой волости» (города-государства) на обломках племенного союза», как полагает И.Я. Фроянов (Древняя Русь. С. 421).

Процесс протекал по историческим меркам довольно быстро, даже революционно. Государство переживало болезненный период социальной ломки, и перед сыновьями Владимира Красное Солнышко стояли сверхсложные задачи: удержать ситуацию под контролем, обеспечить управляемость территорий и отправку в Киев части местных ресурсов в виде дани.

Станислав благополучно справлялся с этой задачей при Владимире, а Ярослава Мудрого воспринял как мятежника против отцовой власти. И то сказать: в конце правления Владимира Ярослав отказался платить дань Киеву, то есть поднял руку на отца и провозгласил независимость Новгорода, которым правил.

Не потому ли многие братья – верные отцовы подручники – не любили Ярослава? Среди них – Мстислав Тмутараканский и Судислав Псковский. И – гипотетически – Станислав Смоленский. Ненавидел Ярослава и двоюродный брат Святополк. Поддержал его, видно, только племянник Брючислав, правивший в Полоцке. И то – на первых порах. Впоследствии Брючислав – враг Ярослава.

Поздние летописи упоминают, что после смерти Владимира в Смоленске был убит святой Глеб – один из его сыновей. Что делал в городе Глеб – княжил, гостил у Станислава или находился проездом, – неясно. Это известие лишь усложняет первую детективную историю Древней Руси, повествующую об убийстве известных Бориса и Глеба, но не более. К истории Смоленска она по большому счету отношения не имеет, ибо логика событий говорит за то, что Станислав продолжал властвовать в этих краях и принимал участие в коалициях против своего брата Ярослава.

Недрузи серьезно недооценили способности Ярослава Мудрого. Тот вел борьбу с перерывами больше двадцати лет (1015–1036). И – победил. В первом туре войны погиб Святополк, затем последовало временное отступление перед Мстиславом Тмутараканским и его союзниками. Далее – затишье. И лишь в 1036 году Ярослав расправляется со своими противниками. Мстислав умер, Станислав, вероятно, убит, а Судислав оказался в порубе – тюрьме, откуда не было выхода. Смоленск напрямую подчинен Киеву, в город направлен посадник. Однако «городовая община» продолжает расти, и через некоторое время туда направляется княжеский сын в качестве правителя.

2. Границы княжества

Обычно считается, что Ярослав Мудрый произвел первый и единственный раздел Руси перед своей смертью, что неверно. Тот раздел, о котором говорится в Повести временных лет, был по меньшей мере вторым. До этого великий князь уже поручал управление разными землями своим сыновьям, просто мы не знаем, за редким исключением, перечня этих земель.

Например, при жизни Ярослава его старший сын Владимир управлял Новгородом, куда сам великий князь не мог ходить в полюдье. Новгород ненадолго сделался вторым по значению городом на Руси.

Перед смертью Ярослав, как рассказывает летопись в статье под 1054 годом, перетасовал волости и произвел новый раздел. Владимир к тому времени уже умер. Старший после него сын **Изяслав (1054–1068, 1069–1073, 1077–1078)** получил Киев и верховенство над остальными братьями. В удел Изяслава входят, помимо Новгорода и Киева, Туров и Древлянская земля с Овручем.

Следующему по старшинству сыну, Святославу, достался Чернигов с Муромом, то есть земля северян и вятичей.

Третий из выживших сыновей, Всеволод, получил Переяславль-Южный и в прибавку к нему – Ростовскую землю на севере.

Четвертого, Игоря, посадили на Воьлини.

Смоленск достался пятому сыну Вячеславу.

Голубовский находит в этом «ясное указание на обособление Смоленской земли как отдельной политической единицы» (*Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. С. 261*).

Так-то оно так, но правильнее предположить, что Смоленская земля и задолго до смерти Ярослава Мудрого имела особого князя. Скорее всего, вскоре после ее присоединения в 1036 году Ярослав послал туда княжить одного из своих отпрысков. Видимо, это был Игорь. А после смерти старшего великокняжеского сына – Владимира – в Новгород переместился Изяслав, остальные же братья перешли по цепочке в те города, о которых говорит летопись: Святослав – в Чернигов, Всеволод – в Переяславль и т. д. К слову сказать, Полоцкая земля исключена из раздела. Тамошние кривичи остаются самостоятельным племенем.

Итак, Смоленск обособился как младшее княжение, но в каких границах? Голубовский отмечает, что «самый объем Смоленской земли был гораздо менее, чем в XII ст[олетии]. Так, места по реке Протве были заселены еще независимым племенем Голядь, и Изяслав Ярославич в 1058 году покоряет их власти Киевского князя» (*Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. С. 261*). Но это лишь один штрих. Впоследствии советские ученые дополнили эти изыскания, детально изучив ситуацию.

Ядро земли составлял, конечно, сам Смоленск и окрестности, населенные кривичами. Как мы уже отмечали, эти земли тянулись далеко на восток и занимали современную Московскую область. Затем начались изменения.

А.Н. Насонов полагал, что уже при разделе Ярослава, или, во всяком случае, во второй половине XI века, к Смоленску «прирезали» земли голяди на Протве и вятичей на Москвереке, которые находились к югу от восточных кривичей. Л.В. Алексеев, опираясь на так называемый Устав Ростислава 1136 года со списком даней и территорий, полагает, что это произошло в начале XII века, однако мнение Насонова относительно галиндов логичнее: Смоленск контролировал поднепровские земли в верховье реки, в этом состояла его миссия. Голядь – одна из этих земель, так что ее могли поставить под контроль Смоленска даже раньше, чем наступили времена Ярослава. А вот вятичей действительно присоединили позже.

В 1116 году, когда Владимир Мономах и его подручники воевали с Полоцком и захватили Витебск, к Смоленску отошел город Копысь напротив Орши. Сама Орша несколько раз переходила из рук в руки, но вообще входила в состав Полоцкой земли.

Были не только приобретения. В 1117 году в Смоленск из Новгорода переходит на княжение старший сын Мономаха – Мстислав (Великий), и сразу происходит передел земель не в пользу Смоленска. Новгородским князем становится Всеволод – один из сыновей Мстислава. Тогда же, как замечает В.Л. Янин, от Смоленской земли отделяются северные районы земли галиндов. Они как бы присоединяются к Новгородчине. Это селения Молвотицы, Кунско, Березовский погост, Морева, Жабна, Лопастница, Буйце (Очерки истории средневекового Новгорода. С. 50). Но присоединение – условное. Доходами с этих земель пользовался новгородский князь. Однако в случае, если бы Новгородчина досталась правителю из другого, не мономахового клана, эти земли возвращались в состав Смоленщины.

При Мстиславе, по мнению А.Н. Насонова, к Смоленску «прирезали» северные земли радимичей вокруг Пропойска и Кричева (на самом деле, похоже, это произошло уже при Ярополке примерно в 1134 году или чуть позже). Смоляне объединили часть «восточных лянских» племен – впрочем, небольшую. Смысл политики великих князей Киевских состоял в том, чтобы разорвать связи между племенами и повысить таким образом управляемость подвластных земель.

Территориальные изменения хорошо видны на карте, представленной в конце данной книги. Ее составитель – Л.В. Алексеев. Ученый очертил на ней, во-первых, землю полоцких, смоленских и залесских кривичей; первоначально, в IX веке, это был единый племенной союз. Затем отделяется Полоцк. Под вопросом принадлежность территории на севере Смоленщины (земля галиндов). Возможно, она вошла в состав Смоленской земли в XI веке, хотя проблема идентификации, конечно, открыта. В XII веке восточную часть кривских земель забирают ростовские князья, что опять же видно на карте. На зато к Смоленщине отходят некоторые районы вятичей и радимичей. Формирование основного контура смоленских земель завершено.

* * *

Изначально на Смоленщине возникло только два крупных города: сам Смоленск и Торопец. Впоследствии появились другие поселения: Вязьма, Можайск, Мстиславль, Вержавск, Жижец, Рославль, Ельня, Дорогобуж, Ржев. Некоторые из них будут в позднее время отлагаться от главного города и образуют самостоятельные волости, но поначалу все поселения тяготеют к своей столице – крупной, богатой, сильной, где можно поймать удачу, хорошо поторговать, обслужить заморских купцов, а то и отправиться в дальние походы за добычей со своими княжичами. Смоляне часто снаряжали рати для таких походов. Но это – опять-таки чуть позже. А пока посмотрим, с чего начиналась Смоленская волость и как обрела самостоятельность.

3. Первые князья

В 1953 году советские ученые нашли в Смоленске печать *Вентеслава Меркурия*, то есть Вячеслава, сына Ярослава Мудрого. Примечательно прозвание этого князя. Имя Вентеслав – созвучно вятичам, «лучшим людям». Не потому ли Ярослав отправил сына на вятский рубеж, не готовил ли его к этой роли загодя, не потому ли произошло присоединение к Смоленщине части земли вятичей, вечно бунтовавшей против Киева? Или перед нами – простое совпадение?..

Сам Смоленск рос. Л.В. Алексеев отмечает, что «был создан смоленский княжеский стол... было учреждено 12 податных центров нового князя, а невдалеке от прежнего Смоленска возвели цитадель, куда и перенесли город». Только нельзя датировать все эти изменения смертью Ярослава Мудрого, они произошли раньше – может быть, уже во времена Станислава.

А теперь сменим «общий» план на «крупный». Что происходило на Руси в это время? Первые годы после смерти Ярослава Мудрого его сыновья правят мирно. В Русской земле сложился триумвират: трое Ярославичей – Изяслав Киевский, Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский – согласованно принимают ключевые решения. Самый энергичный в этой тройке – Святослав. Изяслав не очень умен и достаточно безволен: «прост умом», как говорит летописец. Всеволод хитер, начитан и осторожен. Как сложились при них судьбы Смоленска?

Первоначально княжество было слабым, даже хрупким. Вячеслав Ярославич, по традиционной версии, управлял Смоленском всего три года после смерти Ярослава Мудрого (1054–1057) и скончался в 1057 году. «Преставился Вячеслав, сын Ярослава, в Смоленске, и посадили Игоря в Смоленске, выведя его из Владимира [Волынского]», – сообщает по этому поводу Повесть временных лет.

На самом же деле Вячеслав, видимо, сел в городе еще в 1036 или 1037 году и правил, следовательно, порядка двадцати лет.

Следующая статья летописи – под 1058 годом – о том, что «победил Изяслав [Киевский] голядь». Упоминание об этом по соседству со смоленскими делами не случайно. Думается, Изяслав действует в интересах Игоря, нового князя Смоленского. И, разумеется, в своих собственных. Возможно, голядь восстала, прекратила выплату дани и перегородила Днепровский

торговый путь. Изяслав и Игорь разгромили и покорили смутьянов. Земли голяди вошли в состав Смоленского княжения. Столицей края стал Торопец.

В 1060 году Ярославичи обрушились на племя торков (туркмен), прикочевавшее в район Днепра. Это были родственники печенегов, разбитых русичами ранее, еще при Ярославе Мудром.

В поход против торков позвали князя Игоря Смоленского, но тот прийти не успел: умер. Смоленское княжество после его кончины упразднили, в город направили посадника, а доходы стали делить на три части. Такова догадка И.Я. Фроянова, с которой нужно согласиться. Другие версии, согласно которым смоленские волости разделили между собой три Ярославича, кажутся менее убедительными, тем более что исторических следов такого раздела не наблюдается.

Смоленские кривичи проявляли недовольство сложившейся ситуацией (автономия утрачена), но неясно, бунтовали или нет. В летописи упоминается об этих событиях очень глухо.

1067 год стал пиком могущества триумvirата Ярославичей: они собрали всю Русскую землю, покорив даже полоцких кривичей, а их князя Всеслава Вещего посадили в тюрьму (*поруб*) в Киеве.

Однако падение триумvirата было стремительным. В 1068 году последовало нашествие нового врага – половцев (они же *куманы*, или *кипчаки*) и разгром объединенной рати Ярославичей на реке Альте. Дело было неслыханное: жалкие кочевники разбили русскую рать! Ответственность за поражение и братья, и киевская община возложили на Изяслава. Похоже, великий князь действительно проявил себя полной бездарностью и загубил много народу. Общинники этого не простили. В Киеве вспыхнул бунт. Изяслав похватал казну и бежал в Польшу. Князем ненадолго сделался выпущенный из поруба **Всеслав Вещий (1068–1069)**, имевший репутацию колдуна. Тем временем половцев разбил Святослав Черниговский: собрал трехтысячную дружину и напал на двенадцатитысячного противника, увлекшегося грабежом поселений. Половецкая угроза была на время отведена.

Что касается Всеслава Вещего, то он не усидел в Киеве и после семимесячного правления возвратился в Минск (1069), а затем перенес столицу регионального княжества в Полоцк, который отстроил неподалеку от старого города, разрушенного Владимиром Красное Солнышко.

Изяслав, со своей стороны, вернулся в Киев, перебил 70 зачинщиков мятежа и отправил своего старшего сына в поход на Полоцкую землю. Всеслав Вещий был разбит киевлянами и где-то скрылся. Лишь в 1071 году он сумел выгнать из Полоцкой земли неприятелей.

Всеми этими смутами и неурядицами воспользовались смоляне и голядь. Сын Всеволода Ярославича – Владимир Мономах – дважды ходил с войском в Смоленскую землю в 1069 и 1070 году по поручению старших князей. Это отнюдь не значит, что Мономах стал смоленским правителем, как иногда предполагают. Это значит, что он пытается навести порядок в охваченной смутой волости. Смоленская община хочет добиться самостоятельности. Не исключено, что потомки смоленских кривичей вообще «тянут» к Всеславу Вещему и подвергаются разгрому вместе с ним. Владимир Мономах, человек деловой и исполнительный, подавляет мятеж, затем возвращается и давит вторую попытку бунта. Надо полагать, разгромлена также голядь. Сообщение по Днепру восстановлено, Смоленск лишился самостоятельности, Кривская земля разделена между Смоленском, Псковом и Полоцком. Псков подчинен Новгороду, Смоленск – Киеву.

Мир продолжался недолго. В 1073 году властолюбивый Святослав Черниговский подговорил Всеволода Переяславского совместно выступить против старшего брата и совершил узурпацию. Незадачливый Изяслав бежал к полякам. **Святослав (1073–1076)** сел в Киеве, Чернигов отдал Всеволоду; в прочих волостях рассадил своих сыновей: Глеб княжил в Новгороде, Давыд – в Переяславле, а на Волыни – знаменитый впоследствии Олег, названный в «Слове о полку Игореве» Гориславичем.

Святослав правил три года и умер от рака (1076). Киев достался было Всеволоду, но после некоторых колебаний младший брат уступил его эмигранту Изяславу в обмен на несколько условий. Всеволод выговорил для себя Чернигов, для своего сына Владимира Мономаха – Смоленск и еще в прибавку – Переяславль-Южный с Ростовом. Изяслав на всё согласился, отдав своему хитрому брату восточную половину Руси.

«Изяслав... Владимиру Всеволодичу дал Смоленск», – поясняет В.Н. Татищев (История Российская. Т. II. С. 94). Этот нюанс важен. Получив Смоленск формально из рук Изяслава, Мономах давать должен был дань в Киев. В то же время он подчинялся своему отцу Всеволоду. В этом контексте интересны сведения, что Всеволод получает Ростов. Не значит ли сие, что смоляне получили возможность торговли еще по одному пути – Волжскому, куда спускались по системе мелких рек? Нет. Правда, этот путь многие историки Смоленщины считают нужным упомянуть, что не совсем корректно. Волжской торговлей занимались ростовцы, суздальцы, владимирцы, затем нижегородцы, но не смоляне. Ростовские князья через несколько десятков лет отторгнут восточные земли Смоленщины с Москвой и оттолкнут смолян от волжской торговли. А уж потом сама Москва займется присоединением смоленских земель, в чем преуспеет. Верея и Вязьма, Можайск и Нарофоминск – это смоленские пригороды, хотя сегодня мы воспринимаем их как города Подмосковья.

* * *

Назначение Мономаха в Смоленск казалось логичным: после подавления двух тамошних бунтов Владимир Всеволодович считался специалистом по смоленским делам. Он вокняжился в 1077 году. Что касается Изяслава Киевского, то править ему пришлось всего один год, но за это время великий князь рассадил своих сыновей в северных и западных землях. Эти перестановки привели к смуте.

Против дядей поднял бунт сын Святослава – знаменитый Олег Гориславич, который попытался занять Чернигов. Вместе с ним бунтовали уцелевшие братья и Борис Вячеславич, сын Вячеслава Смоленского (Бориса при дележе волостей также обошли).

В битве при Нежатиной Ниве сошлись полки. Осторожный Олег был против сражения, ввиду того что противник превосходит числом. Борис, пытавшийся продемонстрировать удаль, настоял на битве и погиб первым. Началась всеобщая свалка. Какой-то дружинник подскакал к Изяславу Киевскому, распорядившемуся боем, и нанес князю смертельную рану в плечо тяжелым копьём. Кто был этот загадочный воин, неясно.

Выгоду извлек **Всеволод Ярославич (1078–1093)**: по старшинству сделался великим князем Киевским. Что касается Мономаха, то этот рачительный князь успел собрать со Смоленщины богатую дань – 300 гривен – и передал ценности отцу. Но покой продолжался недолго: на Смоленщину напал Всеслав Вещий, который попытался еще раз объединить кривичей под своей властью. Видно, он знал, что делал, и рассчитывал найти в Смоленске сторонников.

Мономах отбросил полочан, сам вторгся в их землю и взял добычу, после чего Всеслав был оставлен в покое (1078), ибо на повестке дня стояли другие дела: по-прежнему бунтовал Гориславич. Его с трудом разбили; Гориславич бежал в Тмутаракань, где был схвачен местными евреями («хазарами», говорит летописец) и передан византийцам.

Всеволод Ярославич считался грекофилом. Видно, он и сговорился сперва с хазарами, чтобы те схватили Олега, а затем с византийцами, чтобы увезли подальше. Царем Ромейской империи был тогда старый **Никифор III Вотаниат (1078–1081)**, при котором держава затрепала по швам под натиском сельджуков. Дружбой русичей Вотаниат дорожил и просьбу Всеволода исполнил. Гориславича отослали на далекий Родос – знаменитое впоследствии место ссылки крымских ханов.

Всеволод Киевский совершил новый передел владений. Дети Изяслава остались на своих местах в западных волостях, а Чернигов и Муром отошли к Владимиру Мономаху. По мнению Л.В. Алексеева, Мономах сохранил и управление Смоленском.

Всеволод оставался самым сильным князем на Руси. Мономах выступал отцовым подручником и решал военные и политические вопросы.

В 1083 году из византийской ссылки вернулся в Тмутаракань Олег Гориславич. Несомненно, ему помог византийский император **Алексей I Комнин (1081–1118)**. Эту коллизию мы уже излагали в биографии Алексея. Византия переживала трудный период, но у нее хватило сил, чтобы поддержать дружественного правителя в Крыму. С помощью ромеев Гориславич организовал переворот в Тмутаракани, перебил евреев и стал править окраинным княжеством. Всеволод не имел сил для покорения Тмутаракани или Полоцка, но остальной Русью правил, в общем, спокойно, усобицы ограничивались волынской периферией, где великий князь удачно стравливал обмельчавших князей. Всеволод всегда помнил о собственных интересах и интересах своей семьи. Поэтому в 1088 году он заставил Святополка Изяславича, сидевшего в Новгороде, обменять волость на захолустный полесский Туров. В Новгород отправили княжить двенадцатилетнего Мстислава – сына Владимира Мономаха. В Смоленске сел другой Мономахов сын – Изяслав. Могущество великого князя Всеволода Киевского и его семьи достигло апогея.

4. Смута

Всё резко изменилось после смерти Всеволода. Мономах не решился узурпировать великокняжеский стол, а передал его **Святополку Изяславичу (1093–1113)**, находившемуся в Турове. Оттуда Святополк наверняка пытался влиять на дела в Киеве и сколотил партию своих сторонников. В Тмутаракани сидел враждебный Олег Гориславич. На степной границе угрожающе вели себя половцы. Взвесив все за и против, Владимир Мономах отказался от верховной власти, после чего в его жизни началась полоса неудач.

Первым делом нагрянули половцы. В битве с ними русские полки, ведомые великим князем Святополком и тем же Владимиром Мономахом, потерпели сокрушительное поражение. Погибло много витязей, а младший брат Мономаха – Ростислав – утонул в Днепре во время бегства.

Гибель профессиональных дружинников городские общины восприняли как кару небесную за грехи властителей. Гражданская война, которой боялся Мономах, всё же началась. Для смуты требовался вождь, и таковой нашелся в лице Олега Гориславича. Гориславич и его братья проявили себя как энергичные смутьяны и всколыхнули Русь.

Олег оставил Тмутаракань Алексею Комнину, а сам пересек степь при содействии дружественных по отношению к нему половцев и явился под стены Чернигова. Брат Олега – Давыд – объявился в Новгороде, где сверг Мстислава (Великого). Последний бежал в Ростов. В 1094 году Гориславич захватывает Чернигов и Муром при полном согласии населения. Мономах уходит в Переяславль-Южный, но продолжает борьбу.

Услышав, что Олег обосновался в Чернигове, Давыд спешит из Новгорода ему на помощь, захватывает Смоленск и выгоняет оттуда Мономахова сына Изяслава, крайне непопулярного и неспособного. Впрочем, по одной из гипотез (впервые выдвинул ее С.М. Соловьев), Смоленск в это время «тянул» к Чернигову, именно потому Мономах с семейством и отказался от этого города. Но нижеследующие события заставляют от нее отказаться.

Смоляне принимают Давыда с восторгом. Дальше его поход забуксовал: князь лишился тыла. Новгород раздирали страсти. Часть общины поддерживала Мстислава (Великого). Давыда низложили, Мстислав приехал из Ростова на берега Волхова и вокняжился. Святополк и Мономах осадили Давыда в Смоленске (1095). Но осадное дело у русичей оставляло желать лучшего, а смоляне дрались упорно. Пришлось заключить мир. Мономах компенсиро-

вал потери тем, что обменял Смоленск на Муром, куда отправил своего сына Изяслава. Лишь тогда свершилась передача волостей, а не потому, что Смоленск по каким-то причинам тяготел к Чернигову.

Муром оторвали от Черниговской земли. Сделать это оказалось достаточно просто. Между Черниговом и Муромом жили вятичи, у которых сохранилось самоуправление и собственный князь Ходота – последний вождь не из Рюрикова дома, правивший восточнославянским племенем. Гориславичу, таким образом, достались только Чернигов с окрестностями да Новгород-Северский.

Правление Олега в Чернигове продлилось пару лет. Святополк и Мономах пытались, во-первых, поссорить Гориславича с его союзниками – половцами, а во-вторых, копили силы для решающего удара. Повод к войне нашелся сам собой. Мономах предательски убил двух половецких вождей – Итлара и Кидана. Сын одного из них нашел убежище у Гориславича. Великий князь Святополк и сам Мономах потребовали выдать юношу на смерть, Гориславич отказал. Тогда киевские и переяславские полки вторглись в Черниговщину. Святополк был силен: за ним стояла Западная Русь (Туров, Киев, Волынь). Олег бежал на север княжества, в хорошо укрепленный Стародуб. Там его блокировали враги. Осада длилась месяц. Гориславич запросил мира и был отпущен к брату Давыду Святославичу в Смоленск с условием, что придет на поклон к победителям, дабы «подумать» о волостях, как говорили тогда.

Олег уехал в Смоленск и обнаружил, что Давыда там нет. Согласно сообщению В.Н. Татищева, последний находился в Торопце на севере княжества. То ли он собирал дань с голяди, то ли примерялся к походу на Новгород – неведомо. И.Я. Фроянов вообще полагает, что Давыд занял Новгород в это время, а смоленский стол оказался пуст (см.: Лекции по русской истории. С. 767).

Так или иначе, Гориславич воспользовался случаем, попытался сплести интригу и «подсидеть» брата, захватив Смоленск. Но общинники выступили против Олега и «показали путь». Олег со своей дружиной бросился в Муром – выгонять Изяслава Владимировича. Услышав о цели похода, некоторые смоляне сменили гнев на милость и записались в Олегово войско. То ли это были простые искатели приключений, каких много в любом обществе, то ли Изяслав успел смолянам так досадить, что месть ему показалась сладкой. Одно другого не исключает.

Олег прошел через вятские леса, внезапно навалился на Муром и в сражении убил Изяслава. После этого повернул на восток и захватил Ростов. Война запылала на севере Руси. Она отвечала интересам смолян: те пробивали себе дорогу на Волгу и пытались присоединить Залесскую Украину – Ростов с пригородами. В случае успеха история Руси могла пойти иным путем: Смоленск был бы ориентирован на волжскую торговлю, а позднейшее объединение княжеств началось бы с берегов Днепра. В реальности мы увидим, что ростовцы отнимут у смолян восточные земли, где возникнет Москва, а затем москвичи будут откусывать по кусочку от Смоленщины, пока не присоединят всю восточную часть княжества: Верею и Вязьму, Можайск и Нарофоминск...

С присоединением Ростова ничего не вышло. В дело вмешался Мстислав (Великий), унаследовавший деловые качества своего отца Мономаха. Мстислав собрал дружину, напал на Ростов, разгромил Гориславича и преследовал его до самого Мурома.

Положение Олега казалось безвыходным, но чего-то мы не знаем, ибо Мстислав вдруг стал предлагать мир и посредничество. Обстановка на Руси была столь взрывоопасной, а власть центрального правительства – настолько непопулярной, что Святополк Киевский, Мономах и их союзники решили не играть с огнем. Л.Н. Гумилев, недолюбливавший евреев, считает, что тут замешан этнический аспект. По его мнению, Святополк поддерживал киевскую еврейскую общину, а та вела политику, чуждую быту и вкусам славян: например, внедряла зачатки банковского капитала (ростовщичество). Это приводило к разорению общинников, и они возмущались. Нечто похожее действительно было, но непонятно, в какой степени мы должны винить

в этом евреев, а в какой – Святополка и примкнувшего к нему Мономаха. Последний успел вовремя дистанцироваться от политики своего киевского приятеля, так что общинники тянулись к нему за справедливостью. Что касается Святополка, то его поступки дали основание Б.Д. Грекову построить целую теорию о становлении феодализма на Руси.

5. Любечский съезд

Для разрешения политического кризиса князья созывают знаменитый съезд в Любече (1097). Автор Повести временных лет пишет об этом пафосно. «Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег, и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: “Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут воины. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей... И на том целовали крест”».

Посмотрим на раздел городов-государств, утвержденный в Любече.

Володарь и Василько – сыновья Ростислава, внуки Владимира Новгородского и правнуки Ярослава Мудрого – получили землю белых хорватов, Галичину.

Великому князю Святополку Изяславичу достались Киев и Туров.

Владимир Мономах обладал Переяславлем-Южным, Ростовом и Суздалем. В Новгороде сидел Мстислав (Великий), сын Мономаха. Возможно, он отсылал дань в Киев, демонстрируя лояльность по отношению к Святополку.

Сыновьям Святослава Ярославича – Олегу Гориславичу и его братьям – отошла Чернигово-Северская земля вместе с Муромом. Старшего из них, Давыда, вывели из Смоленска и посадили в Чернигове.

На Волыни правил Давыд Игоревич, внук Ярослава Мудрого и сын кратковременного смоленского князя Игоря. Судя по летописи, Давыд – редкий интриган и беспокойный человек. Вскоре он организовал ослепление Василька Теребовльского, чтобы расширить свои владения за счет Галичины, но в итоге вызвал возмущение князей, был изгнан, три года сражался за Волынь и урвал для себя удел в составе Дубно, Бужска, Острога и Чарторыйска. После смерти Давыда в 1112 году его удел расклевали родичи, а само имя князя вошло в летопись как синоним предателя и клятвопреступника.

Кому достался Смоленск? Исследователи вопроса солидарны в том, что городская волость и прирезанные к ней пригороды отошли Владимиру Мономаху, который, повторимся, владел и Ростовом. Получается, что смоляне всё же получили доступ к Волжскому торговому пути, только не как господа, а как равноправные члены «федерации общин», которую сколотил Мономах на севере и которая включала также Новгород и Ростов. Это была интересная комбинация, которая вроде бы сулила выгоды всем участникам. Выгоды могли быть больше, если бы удалось установить контроль еще и над третьим торговым путем: Двинским. Но этим вопросом займется уже Мстислав Великий в ту пору, когда воссядет на «золотом столе» киевском.

* * *

Мономах мог считать исход великой смуты конца XI века благополучным для себя. Да, он отказался от великого княжения, потерял Чернигов и Муром, но сохранил отцовский удел – Переяславль и Ростов. Его сын Мстислав правил в Новгороде. Мономах получил и Смоленск. Владимир Всеволодич превратился в самого сильного князя Древней Руси. Он выступал в роли верховного арбитра, контролировал большую часть городских общин, оказывал влияние на политику киевского князя Святополка, но в то же время склонил на свою сторону значительную часть киевлян и поддерживал оппозицию. Столь тонкой политики Русь еще не знала. Неда-

ром Мономах был одним из самых образованных людей своего века и носил греческое прозвище, ибо со стороны матери был внуком византийского императора **Константина IX (1042–1055)**.

В это время мы не видим на Смоленщине ни одного бунта. Как сказал бы С.М. Соловьев, Владимир Мономах «ласкался» к смолянам и учитывал их потребности. В 1101 году он заложил в городе кафедральный собор, церковь Богородицы («камяну епискупью», как выражается летописец), то есть хотел основать епископскую кафедру. «Построение в Смоленске в 1101 году церкви Успения Пресвятой Богородицы указывает на мысль Мономаха выделить Смоленскую землю не только в политическом, но и в духовно-административном отношении созданием в ней отдельной епископии», – полагает Голубовский.

Религиозная автономия льстила смолянам. Возражения ряда историков насчет достоверности информации о закладке церкви представляются несостоятельными. Другой вопрос, что основания епископии в это время всё же не случилось, ибо эти намерения вызвали тревогу в Киеве.

6. Золотой век

В 1111 году Владимир Всеволодич переносит в смоленский собор чудотворную икону Богоматери Одигитрии. Последний факт – еще одно свидетельство «ласки» по отношению к смолянам.

Всё это принесло обильные всходы. Смоляне любят Мономаха и его потомков. Во главе «державы на Днепре», о которой мы расскажем, встанут именно отпрыски Мономаха.

Событий в княжестве в это время мало, они все наперечет.

В первом десятилетии XII века городской общиной правил один из многочисленных сыновей Владимира Мономаха – Святослав. К нему приехала умирать первая жена Владимира – Гита, дочь англосаксонского короля **Гарольда Инфеликса (1066)**. В 1111 году в Смоленске разбушевался сильный пожар. Это обыкновенное явление для русских деревянных городов, ибо системы противопожарной безопасности не существовало, а строительный материал был дешев: сгорел дом, но легко выстроить на его месте другой.

В 1113 году умирает великий князь Киевский Святополк. На Руси происходит новый передел волостей. В самом Киеве случились события, которые классическая советская историография объявила «народным антифеодальным восстанием». На самом деле перед нами – смесь религиозного бунта с разграблением княжеской собственности (Фроянов), этнического мятежа русских против евреев (Гумилев) и социального протеста обедневших общинников против богатой дружины, договорившейся с теми же евреями о формах эксплуатации славянского населения.

По «лествичному счету» великим князем после Святополка должен был стать Давыд Святославич, старший брат Олега Гориславича, родившийся примерно в 1050 году. Но Давыд был привязан к Черниговской земле, и городская община киевлян постановила иначе: призвала на княжение шестидесятилетнего **Владимира Мономаха (1113–1125)** для разрешения политического кризиса. Мономах посчитал, что в достаточной степени контролирует политические процессы на Руси; отдельные земли замиренны, князья утвердились в своих волостях. Он принял предложение киевлян и сел на «золотой стол». Время было выбрано правильно. Олег Гориславич прожил бурную жизнь, был уже дряхл и умер в 62 года (1115). Его дети стали оспаривать черниговский стол у Давыда (ум. 1123) и его сыновей. Под шумок Ярослав Святославич, брат Олега и Давыда, отделил Муром. Так возникло Муромо-Рязанское княжество на окраине Руси.

Тем не менее время Мономаха – золотой век нашей родины. Или «золотая осень», если пользоваться термином Л.Н. Гумилева. Правда, в данном случае с исследователем трудно

согласиться. Перед нами – не закат, а заря Руси. Русичи ищут пути развития, формы бытия и удобное общественное устройство.

Пересказывать историю Мономаха здесь не место. Напомним основные вехи и установим важные факты. В 1113 году Владимир Всеволодович Мономах переходит в Киев, что приводит к перемене «мест работы» сыновей – подручников этого князя. Старшего отпрыска, Мстислава Великого, Владимир оставляет в Новгороде. Святослава переводит из Смоленска в Переяславль-Южный. Освободившийся смоленский стол получает другой сын – Вячеслав (1113–1116, датировка П.В. Голубовского). Спустя много времени он станет великим князем Киевским – одним из самых бездарных и никчемных людей, пребывавших когда-либо в этой должности.

В Смоленске Вячеслав правил недолго и был кем-то вроде губернатора, а не полномочным главой города-государства. Затем уехал в Переяславль-Южный, наступило короткое междукняжие. Видимо, им воспользовался один из наследников Всеслава Вещего, владельца Полоцкой земли. Этот наследник – Глеб Минский. В 1116 году он попытался захватить Смоленск. Подробный разбор летописных известий на эту тему – у Фроянова (Лекции по русской истории. С. 772–774. Подвергнуты критическому анализу мнения Голубовского и Алексева). Владимир Мономах ответил большим походом на минчан. Вячеслав Владимирович взял Оршу и Копыс. Другой сын Мономаха, Ярополк, и примкнувшие черниговцы захватили Друцк, тем самым отрезав Глеба в Смоленске от его минских владений. Мономах навалился на Смоленск, и минский князь оттуда бежал.

А в 1118 году, как сообщает В.Н. Татищев, Смоленщиной управлял уже Глеб Владимирович, следующий сын Мономаха. Отец через некоторое время перевел его в Переяславль, ибо Вячеслав получил другое назначение – в Туров. Смоленское княжение освободилось. Впрочем, и здесь не всё ясно. Некоторые исследователи подвергают сомнению известие Татищева и полагают, что Вячеслав продолжал управлять Смоленском до 1125 года, когда и получил Туров. Но в данном случае мы более склонны доверять Татищеву и проанализировавшему его текст Фроянову. Последний обращает внимание, что княжение в Смоленске было на короткое время упразднено и Мономах помещает в город своих посадников. Но это вызвало резкое неприятие смоленской общины, окрепшей и претендовавшей на контроль за частью пути «из варяг в греки». Владимир вынужден был уступить и назначил в город князя.

Обратим внимание еще на одну дату. В 1121 году «Владимир [Мономах], князь великий, был с детьми своими в Смоленске для рассмотрения несогласий и усмирения полоцких князей и некоторых других распорядков», – пишет В.Н. Татищев (Русская история. Т. 2. С. 154). Не исключено, что во время этой поездки он посадил князем Смоленским нового человека – своего внука Ростислава Мстиславича, сына Мстислава Великого и шведской принцессы Христины. Возможно и другое: Ростислав явился в Смоленск в качестве правителя в 1125 году, после смерти Владимира Мономаха, когда случился очередной передел волостей.

Первое летописное упоминание о Ростиславе как смоленском князе содержится под 1127 годом (смоленские полки поучаствовали в грандиозном походе Мстислава Великого на Полоцк), эту дату ошибочно и принимают за начало его правления, что неверно. Так или иначе, Ростислав успешно управлял Смоленщиной в течение сорока с лишним лет и сумел передать управление своим сыновьям. Именно отсюда берет начало «смоленская гегемония» на Руси. Правда, наступила она не сразу.

Глава 3. Основатель династии

1. Мстислав Великий

Деятельность **Ростислава Мстиславича (князь Смоленский 1125? –1168)** ученые оценивают высоко. Смоленская городская община во времена Ростислава окрепла и оформилась как самостоятельная политическая единица, чего до Ростислава не было. Поэтому историкам Смоленской земли Алексею и Голубовскому Ростислав видится самым ярким представителем династии местных князей: с него всё началось.

Но Ростислав ведь менял «места работы». **В 1151–1154 году он – князь Новгородский, а в 1154 – 1155, 1159 – 1161, 1161 – 1168 годах – великий князь Киевский.**

В это время Киевская земля медленно двигалась от зенита к надиру. Вскоре она вообще распадется на два удела – собственно Киевский и Овручский (последний удел – это земля прежних древлян). Ростислав в роли киевского князя не сможет распространить свое влияние на всю Русь и будет терпеть частые поражения.

* * *

Золотой век Древней Руси продолжался, но был на излете. В 1125 году умер Владимир Мономах. Этот человек сумел на какое-то время консолидировать русские городские общины. Более того, он наглядно показал преимущества консолидации, организовав несколько больших походов в степь и нанеся поражения половцам. Казалось, русичи должны уяснить, кем стали: из жертв половецкой бури они превратились в агрессоров, которых боялись кочевники.

Мстислав Великий (1125–1132), русский по отцу и англосакс по матери, сел на «золотой стол» киевский. Сел не в очередь: были проигнорированы права детей участников бывшего триумвирата – *Изяславичей* (тех вообще оттерли от наследования, и род постепенно обмельчал и угас) и черниговских да рязанских *Святославичей*. Святославичи временно смирились с несправедливостью, но затаили обиду.

Мстислав Великий продолжал политику Мономаха, пользовался беспрекословным авторитетом на Руси и расширял границы. Он исходил Половецкую степь вдоль и поперек до Тихого Дона. Обращался и на север, где выгнал потомков Всеслава Вещего из Полоцкой земли. Часть тамошних князей была выслана в Византию. Казалось, Мстислав добился большего, чем его прадед Ярослав Мудрый. У последнего не хватило сил пригнуть Полоцк, а Мстислав это сделал. Теперь все три важнейших торговых пути находились под его контролем: Волжский, Днепровский, Двинский.

Как только Мстислав Великий пришел к власти, то перераспределил волости. Владения черниговских князей сократил, воспользовавшись распрей в их роде. Великому князю удалось ненадолго присоединить Курск и прилегающие районы. Будущую Галичину оставил за сыновьями потомством Володаря и Василька, но сумел навязать свое верховенство. Переяславль-Южный принадлежал брату Мстислава – бездетному Ярополку. В Ростове сидел еще один брат – молодой тогда Юрий Долгорукий. В Новгороде – Всеволод, родной сын Мстислава. На Волыни – опять же брат Андрей Добрый. Полоцкую землю держал сын Изяслав, самый способный из великокняжеских детей. В Смоленске не позже 1125 года уселся Ростислав Мстиславич. Мстислав Великий, таким образом, контролировал почти всю Русь без Чернигова и Рязани, но и в этих княжествах признавали его авторитет и побаивались.

Этот апогей продолжался всего семь лет. В 1132 году Мстислав умер, и единство было нарушено. Страсть и энергия русичей разорвали государство. У великих князей не было

средств, чтобы поддержать единство: ни многочисленной регулярной армии, ни полиции, ни, самое главное, средств связи, инфраструктуры, коммуникаций, которые не позволили бы растащить властные полномочия. Начиная с этого времени русичи будут поддерживать единение очень оригинально: миграциями, торговыми контактами и... междоусобными войнами. Всё это будет иметь свои плюсы и минусы, но минусов, на наш взгляд, окажется больше, чем плюсов. Ибо когда Руси придется столкнуться с ордой наследников Чингисхана в 1237 году, выяснится, что региональные полугосударства проигрывают по всем параметрам монгольской континентальной империи: ни в военном, ни в экономическом плане они не могли тягаться с Ордой, не говоря уже о том, что Чингисиды наладили в своей стране эффективную систему сообщения; это позволяло на протяжении некоторого времени контролировать огромные территории. Русским пришлось расти и расти до этой системы.

Но сие в будущем. А пока умер после семилетнего правления Мстислав Великий и... «раздрася Русская земля».

2. Борьба гегемонов

Ростислав принял участие в усобицах с хорошими стартовыми позициями. Он начал расширять владения еще при жизни отца. По мнению А.Н. Насонова, первым делом Ростислав присоединил землю северных радимичей. Л.В. Алексеев уточняет дату – это могло случиться в 1127 году, во время великого похода русских князей на Полоцк, закончившегося утратой независимости полочанами. Ростислав получил волость северных радимичей от Мстислава Великого. Таким способом Мстислав внес плату (даже не сыну, но смоленской общине) за участие в полоцком деле.

Киевские князья опасаются племенных бунтов, поэтому стараются нарезать волости с тем расчетом, чтобы перемешать племена. В XII веке нет практически ни одного княжества, которое было бы племенным. В этом – серьезное различие, допустим, с раннесредневековой Германией, которая была поделена на племенные герцогства. Исключение на Руси – земля белых хорватов, позднейшая Галичина, которая оказалась этнически монолитной, но и она обновилась за счет мигрантов из других земель Древней Руси. Волынская земля состояла из волынян и ятвягов. Полоцкая – из кривичей-полочан, ятвягов, литвы, дреговичей. Киевская – из полян и древлян, торков, берендеев, каракалпаков. Черниговская – из северян, южных радимичей, вятичей, ковуев-кочевников. Новгородская – из финских племен, балтов, словен и кривичей. Смоленская – из кривичей, северных радимичей, вятичей и галиндов. Перед нами – время великих миграций русичей; усобицы подстегнут их к новым переселениям. Значительная часть народа побежит с юга на север, оседая в том числе в районе Смоленска. Это место покажется многим из наших предков безопасным, да и выгодным: можно получить часть пошлин с проходящих купцов. Посмотрим, какое место занимал Смоленск в системе общерусских отношений.

* * *

В 1132 году на великокняжеский стол в Киеве восходит брат Мстислава Великого – **Ярополк (1132–1139)**. Человек это был никчемный, и при нем произошел раскол в Мономаховом семействе, чем воспользовались потомки Олега Гориславича – Ольговичи, хотя случилось это не сразу.

По-видимому, Мстислав Великий задумал передать власть на Руси самому способному из своих сыновей – Изяславу, который и должен был наследовать бездетному Ярополку. При жизни великого князя никто не смел ему перечить, а после смерти всё изменилось. Против Изяслава выступил дядя – ростовский князь Юрий Долгорукий, пьяница, сибарит и отчаянный честолюбец. Больше всего на свете он жаждал усестись в Киеве. В.Н. Татищев рисует его

портрет: «Сей великий князь был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза не весьма великие, нос долгий и искривленный, борода малая, великий любитель женщин, сладкой пищи и пития» (История Российская. Т. 2. С. 302–303). Долгорукого поддержали черниговские Давыдовичи и Ольговичи.

Изяслав, в свою очередь, опирался на Смоленск, Туров и Волынь. Новгород, Полоцк и Галич несколько раз меняли свои предпочтения. Так обозначились контуры коалиций.

Ростов и Смоленск оказались в разных политических лагерях. Это означало, что Волжский торговый путь для смолян не то чтобы закрыт, но более ими не контролируется. Зато появились и преимущества. Смоленская городская община обрела самостоятельность, делала первые шаги на поле большой политики. Молодой Ростислав Смоленский (он родился, как считается, около 1108 года) был смолянам глубоко симпатичен. Общинники привязались к нему, но и сами привязали к себе, а Ростислав, в свою очередь, привыкал к капризам смоленского веча, учился лавировать между разными группировками и постигал тайну лидерства, которая позволяла увлечь на войну или уговорить заключить мир. Кто от кого зависел? Князь от общины или община от князя? Где заканчивалась власть последнего и начиналась власть веча? Фроянов уверенно называет этот порядок полуреспубликанским и уж во всяком разе – доклассовым, что сомнений не вызывает.

А как сложилась расстановка сил на Руси в целом и в чем был смысл политической борьбы?

Автор предлагаемой книги рискует заслужить порцию упреков за нижеследующее сравнение, но оно напрашивается само собой. Ситуация напоминает эпоху *У ба – пяти гегемонов* в древнем Китае. Гегемонами были в разное время царства Ци, Чу, Цинь, Цзинь и Сун (VII–VI века до н. э.). Некоторые ученые называют эту эру феодальной, некоторые – рабовладельческой, но возможно, что в Древней Руси XII века н. э. и в Древнем Китае VI века до н. э. мы наблюдаем сходные процессы разрушения архаичного доклассового общества и становления государств, в том числе через борьбу отдельных общин. Это не рабовладение и не феодализм. Люди пытаются построить государство, не расставаясь со своим архаичным бытом, с первобытностью. Такой порядок ни в коем случае нельзя считать «отсталым». Этносы экспериментируют с разными моделями социального развития, и предложенный в Чжоу, Цинь или Киевской Руси эксперимент ни в коем случае нельзя считать обреченным на неудачу. Как знать, может быть, лет через сто – двести после нас окажется, что «тупиковой» была как раз капиталистическая или феодальная модель. Хотя и такая постановка вопроса некорректна. Почему – поговорим в конце книги.

А пока проведем параллели. В Древней Греции мы тоже видим смену гегемонов в ранней истории. За преобладание борются то Афины, то Спарта, то Фиванский союз, то Македония. Не эти ли процессы происходят и на Руси?

В первой половине XII века перед нами предстают гегемоны, которые борются за обладание Киевом: это Чернигов, Волынь, Ростов и Смоленск. Лишь только один из гегемонов слабеет, другой пользуется ситуацией и пытается завладеть «матерью городов русских». В этой борьбе – стержень истории Руси XII столетия.

3. Мономашичи против Ольговичей

Перейдем к деталям.

В 1132 году великий князь Ярополк отдал Переяславль-Южный своему племяннику Всеволоду, сыну Мстислава Великого (до этого Всеволод правил Новгородом). Младшие сыновья Мономаха – Юрий Долгорукий, Вячеслав Туровский и Андрей Волынский (Добрый) – усмотрели в этом нарушение лестничного права.

Юрий Долгорукий недолго думая выгнал Всеволода из Переяславля в первый же день правления. Тогда стол занял Изяслав Мстиславич; его Долгорукий прогнал через неделю и один день. Всеволод вернулся в Новгород, но городская община подняла бунт и не захотела его возвращения. Тогда великий князь Ярополк договорился с Ростиславом Смоленским, чтобы тот помог воротить Всеволода в Новгород. Ростислав выделил «дары» для новгородцев, и прежде всего продовольствие: год выдался неурожайный. Всеволод вернулся. Удалось восстановить иллюзию единства, а заодно и порядок на Днепровском торговом пути. Но это были еще только всполохи грядущей грозы.

Несколько лет царил мир, Ростислав зависел от Киева и вносил великому князю «известную дань», как выражается П.В. Голубовский. Но в то же время шаг за шагом добывается для общины привилегий и вольностей. В 1136 году Ростислав получает согласие на создание в Смоленске отдельной епископии. Городская община обретает религиозную автономию и повышает свой статус в общении с другими русскими землями. Возможно, причиной согласия явилась новая беда, случившаяся в том же 1136 году.

Городская община Великого Новгорода выгнала своего князя Всеволода, мотивируя тем, как выразился Н.М. Карамзин, что князь «не блюдет простого народа и любит только забавы, ястребов и собак».

После изгнания Всеволода новгородцы пригласили к себе на княжение врага Мономашичей; кандидат нашелся в Чернигове. Им сделался Святослав Ольгович, сын Олега Гориславича. Это означало полный крах политики всех древнерусских князей, начиная с «Олега I» Вещего.

Тогда-то Ярополк и позволил создать епископию в Смоленске. Великому князю требовались ресурсы, рекруты в ополчение против Новгорода... Ради этого можно было пойти на уступки смолянам, тем более что во главе городской общины Смоленска находился вполне лояльный человек, любимый племянник Ростислав. К антиновгородской коалиции примкнул даже Юрий Долгорукий: это позволило ему выступить в роли блюстителя общерусской справедливости. Он не против детей Мстислава Великого, не против Ярополка. Он – охранитель закона. Долгорукий готов заступиться даже за врага, если тот пострадал не по делу. Видимо, тогда же (около 1137 года) смоляне уступили Долгорукому право на взимание «Суждали Залесской дани», то есть отдали часть земель кривичей, располагавшихся на Москве-реке (подробнее мы поговорим об этом ниже, когда будем разбирать Уставные грамоты Ростислава).

В итоге киевляне, смоляне, ростовцы и присоединившиеся к ним полочане блокируют Новгород. Испуганные новгородцы просят Святослава Ольговича уехать. Новгородским князем становится сын Юрия Долгорукого – тезка Ростислава Смоленского. Так в борьбу за торговые пути включается крепнущее Ростовское княжество.

В связи с этими переменами интересна судьба северных смоленских волостей, когда-то переданных Мстиславом Великим Новгороду. По уговору, новгородцы должны были вернуть их смолянам, поскольку Всеволод Мстиславич перестал быть князем. Но давнее соглашение предпочли забыть. По мнению В.Л. Янина, доходы с северных районов Смоленщины были присвоены Долгоруким после вокняжения в Новгороде его сына.

Вскоре после описанных событий великий киевский князь Ярополк умирает (февраль 1139 года), и на Руси начинаются такие убоицы, по сравнению с которыми новгородская смута кажется детской забавой.

В Киеве случился политический переворот: туда пришел черниговский князь Всеволод, сын Гориславича. Он известен в исторической науке как великий князь **Всеволод Ольгович (1139–1146)**. Черниговским правителем стал его двоюродный брат **Владимир Давыдович (1139–1151)**, что усилило неразбериху в Русской державе. На верховную власть высказал претензии Юрий Долгорукий, который попытался создать коалицию из Новгорода, Ростова и Смоленска для похода на Киев.

Предприятие провалилось. Новгородцы подняли бунт, свергли своего князя, не желали иметь ничего общего с Долгоруким и вновь приняли Святослава Ольговича. Сил для покорения Новгорода у Мономахичей не было, пришлось возобновить блокаду. Всеволод Ольгович пытался пробиться в Новгород, снарядил черниговскую дружину и поднялся вверх по Днепру; но на его пути возник Смоленск, который защищал князь Ростислав. Всеволод, как говорит летописец, «искал» под Ростиславом Смоленска, но поход завершился неудачей: смоляне отбились.

Зато блокада Новгорода, зависевшего от поставок хлеба из Ростова, опять принесла результат. Новгородцы вновь попросили Святослава Ольговича покинуть княжение. Тот оставил Новгород (1141), был пропущен через Смоленск и отправился в свой удел на Черниговщине – Стародуб.

Затем умер Андрей Владимирович Добрый, сын Мономаха, который сидел в Переяславле-Южном. Наступил новый передел волостей, вспыхнула распря, Ольговичи попытались расширить свои владения, но безуспешно. Ростислав Смоленский выступил против Ольговичей и забрал у них город Гомий (нынешний Гомель).

1 августа 1146 года Всеволод Ольгович умер, будучи примерно 52 лет от роду. Дезинтеграция Руси продолжается.

Глава 4. Восьмилетняя война (1146–1154)

1. Игорь

«Золотой стол» киевский наследует **Игорь Ольгович (1146)**, младший брат Всеволода и один из самых несчастных русских князей. Православная церковь признала его святым вследствие жалости к страдальцам, заслужившим мученический венец.

Игорю нехотя присягнули киевляне, но сердца их были отданы другому политику – Изяславу, сыну Мстислава Великого.

Энергичный Изяслав собрал дружину и двинулся к стенам «матери городов русских». Так началась Восьмилетняя война – одна из самых жестоких и кровопролитных усобиц на Руси. Ее смысл – борьба Изяслава за киевский стол, в которой поддержал брат, Ростислав Смоленский. Боролись братья в основном против дяди – Юрия Долгорукого. Но сперва столкнулись с черниговскими полками.

Изяслав разбил Игоря Ольговича у Надова озера и вошел в Киев. Княжение Игоря длилось всего пару недель. Его поймали, бросили в поруб, а затем постригли в монахи, но продолжали на всякий случай держать в заключении.

После ареста Игоря **Изяслав Мстиславич (1146–1149, 1150, 1151–1154)** занял вождельный «золотой стол». Вот как описывает его портрет В.Н. Татищев: «Сей князь великий был честен и благоверен, славен в храбрости; ростом мал, но лицом красив, волосы короткие кудрявые и борода малая круглая; милостив ко всем, не сребролюбец и служащих ему верно и пребогато награждал».

Против Изяслава Киевского и Ростислава Смоленского выступил Юрий Долгорукий. К тому времени в его волость перебежало много людей, спасаясь от кочевников и усобиц. Это превратило Юрия из «украинского» правителя в одного из могущественных князей тогдашней Руси. Черниговцы заключили союз с Долгоруким. Полочане, новгородцы и галичане принимали то одну, то другую сторону, а более всего заботились о собственной независимости. Всё это делало положение Изяслава шатким. Ростислав помогал брату как мог. Смоленск постепенно обретал силу и вес в борьбе гегемонов.

Против племянников возмутился туровский князь Вячеслав. Советники указали, что именно он должен по старшинству сесть в Киеве. Не отличавшийся умом князь начал войну, не рассчитав сил и не учитывая популярности Изяслава в Киеве. В итоге Изяслав послал против дяди войска, возглавляемые Ростиславом Смоленским. Сторонники Вячеслава потерпели поражение. Изяслав праздновал победу, «а в Турове своего сына Ярослава оставил», как пишет В.Н. Татищев.

Л.В. Алексеев превращает Ростислава в более крупную фигуру, чем тот был на самом деле. Историк пишет, что теперь практически на всех страницах Лаврентьевской летописи, повествующих о той эпохе, упоминается имя Ростислава. Конечно, это преувеличение (ссылка на Лаврентьевскую летопись присутствует в списке литературы к данной книге, что позволяет проверить сказанное). Да и насколько важны упоминания Ростислава Смоленского с точки зрения современной науки? Гораздо интереснее были бы упоминания смоленских бояр как лидеров города-государства, рассказы о борьбе группировок, сведения о социальном устройстве Смоленщины... но ничего в летописи нет. Приходится реконструировать факты.

2. Битва за Киев

Лишь удивительное легкомыслие Долгорукого спасло Мстиславичей в начале войны. Юрий постоянно пьянствовал с женщинами, веселился ночи напролет, «на скомонях... играя и пия... чем многие вельможи его оскорблялись», как пишет тот же Татищев. Среди любовниц была жена тысяцкого Кучки. Тысяцкий – должность, известная еще у древних арийцев (*хазаранат* или *хилларх* в переводе на фарси и древнегреческий соответственно; это очевидная отсылка к архаическим обществам).

Узнав об измене жены, Кучка захватил женщину и бежал в свою усадьбу на Москве-реке. Здесь изменницу поместили в заключение. Сам Кучка задумал отъехать к Изяславу Мстиславичу в Киев. Долгорукий счел это актом предательства. Кроме того, суздальский князь был взбешен, что у него отняли бабу. Примчавшись в Кучковы палаты, князь Юрий без раздумий убил Кучку, но, чтобы избежать общественного поношения, женил своего сына Андрея (позже известного под прозвищем Боголюбский) на его дочери.

На месте палат покойного боярина возник городок. Долгорукий позвал туда, на окраину владений, своего союзника, черниговского князя Святослава Ольговича, и «дал обед силен». Пообедали в городке по имени Москва в 1147 году. Но темп наступления на врагов был утрачен.

В самой семье черниговских князей наступил раскол. Ольговичи были за Долгорукого, Давыдовичи – против. В этой нервной обстановке киевляне извлекли экс-князя Игоря Ольговича из монастыря и зверски убили (1147). Подробно эту коллизию рассматривает И.Я. Фроянов в книге «Древняя Русь»; там же даны объяснения эксцессам.

Черниговцы и киевляне начали активные боевые действия друг против друга. К киевлянам присоединились смоляне: великий князь Изяслав вызвал с севера своего брата Ростислава Смоленского. Тот спустился с полками вниз по Днепру и взял у черниговцев город Любеч с укрепленным замком, построенным еще Мономахом. Смоляне и киевляне расчищали себе торговый путь вдоль Днепра.

Затем Ростислав пробился к брату Изяславу Киевскому, соединился с ним и выступил на Чернигов. Советники осторожничали, уговаривали братьев ограничиться военными демонстрациями на окраинах и взятием мелких крепостей, но Ростислав Смоленский настоял на том, чтобы нанести удар врагу в сердце.

Ничего не вышло, и в условиях плохой логистики и низкого осадного искусства Руси XII века выйти не могло. Изяслав разорил черниговские волости, но дальше этого дело не двинулось. Великий князь посчитал, что не может одолеть черниговцев: им помогает Юрий Долгорукий. Исходя из этого родился новый план. Братья Мстиславичи посоветались и решили: Ростислав Смоленский соберет новгородцев, тех же смолян да и двинется с ними на Юрия Долгорукого, а Изяслав ударит на Черниговщину повторно. Враги перестанут помогать друг другу и потерпят поражение. Эту кампанию планировали провести в зимнее время. Смоленские полки, «с великою честью и благодарением киевлян», как отмечает Татищев, вернулись восвояси.

Долгорукий воспользовался разделением своих врагов и послал сильную дружину для захвата Переяславля-Южного. Город обороняли войска Изяслава. Битва была кровавая. В ней погибли воеводы Изяслава и Юрия Долгорукого – фактические командующие войсками (формально боевыми действиями руководили сыновья Изяслава и Юрия). Переяславль удалось отстоять от нашествия с севера, но это был мимолетный успех.

Глеб, сын Юрия Долгорукого, занял Городец-Остерский на Днестре. Это создавало дополнительную опасность: враг перерезал важнейшую речную коммуникацию. Изяслав оставил Чернигов и осадил Городец. В войске великого князя имелись русичи и берендеи – одно из

кочевых тюркских племен, жившее на степной границе; берендеи, как и другие тюрки, включая татар и ногаев, впоследствии поучаствуют в этногенезе малороссов.

Глеб запросил мира в обмен на то, что покинет берега Днепра и уйдет в Ростово-Суздальскую землю. Положение Изяслава Киевского было шатким, в припасах ощущалась нужда, и он согласился, взяв со своего противника клятву уйти. Но едва осада была снята и Изяслав вернулся в Киев, как Глеб позабыл обещание. Его войска остались в непосредственной близости от «матери городов русских». Следовательно, кампания Изяслава завершилась провалом. Великий князь стал готовиться к продолжению борьбы и попросил помощи у венгерского короля **Гейзы II (1141–1162)**; тот направил 3000 тяжеловооруженных всадников. Помощь объясняется просто: Гейза был женат на Евфросинии – сестре Изяслава Киевского. Кроме того, подмогу прислал скудоумный князь Вячеслав Владимирович – сын Мономаха, правивший в Турове. Прибыл также полк из Волынской земли.

Изяслав Киевский перешел Днепр по льду и подступил к Чернигову. Осада продолжалась три дня, были выжжены окрестные села, но окончательная победа не давалась войскам коалиции, да и кормить воинство было, как видно, нечем. Изяслав отправился под стены Любеча, но столкнулся там с объединенными войсками всех потомков «триумвира» Святослава Черниговского, сына Ярослава Мудрого: привели свои полки Давыдовичи, Ольговичи и рязанские князья. Стороны хотели вступить в бой, однако ударила оттепель и пошел дождь. Видя это, Изяслав увел полки на киевский берег Днепра, и очень своевременно: на другой день начался ледоход.

Когда река очистилась, Глеб Юрьевич с войсками вышел из Городца и попытался захватить Переяславль-Южный. Но под стенами города Глебу нанесли такое поражение, что он отступил, оставил Городец и ушел в Чернигов.

Ольговичи и Давыдовичи звали на юг Юрия Долгорукого, но тот отвечал, что не может прийти. В самом деле, ему угрожали смоляне и новгородцы. Да и «серебряные болгары» на Волге вели себя враждебно. Возможно, Изяслав и Ростислав заключили союз и с ними тоже.

Без поддержки Долгорукого черниговские князья не чувствовали себя уверенно и предложили Изяславу Киевскому мир. Тот посоветовался с братом – Ростиславом Смоленским. «Ты мне брат старейший и я в твоей воле, – отвечал дипломатичный Ростислав. – Как ты за лучшее примыслишь, я в том согласен и готов по твоему повелению с охотой исполнять» (*Татищев В.Н. История Российская. Т. 2. С. 224*).

В 1148 году в Спасском соборе Чернигова был утвержден мир с пафосной формулировкой: «Быти всим за один брат». Казалось, двухлетняя борьба Изяслава за Киев увенчалась полным успехом. Мстиславичи контролировали значительную часть Руси: Новгород, Смоленск, Киев, Переяславль-Южный, Волынь. Туровский князь Вячеслав был их союзником и, может быть, платил дань Киеву.

Галич и Полоцк жили своей жизнью. Оставалась Ростово-Суздальская земля, но помириться с Юрием Долгоруким не представлялось возможным. Долгорукий ненавидел своих племянников Мстиславичей и полагал, что его обошли при разделе владений. По старшинству на «золотой стол» киевский должен был воссесть либо слабоумный Вячеслав, либо следующий по старшинству сын Мономаха, то есть сам Юрий. Поэтому он не присоединился к мирному договору, и Восемилетняя война продолжалась.

3. Долгорукий

Изяслав Киевский собрал южных князей на сейм в Городце, где обсуждался вопрос похода на Ростов и Суздаль. Черниговские князья должны были поучаствовать в этом походе как младшие подручники киевского правителя. Но ни Святослав Ольгович (тот, в честь которого дали московский «обед силен»), ни его племянник Святослав Всеволодович (известный

как один из героев «Слова о полку Игореве», которому в ночь поражения русской рати приснилась поминальная чаша «синего вина») на съезд не явились. Было решено тем не менее начать зимнюю кампанию: «едва леде встануть», Изяслав и Ростислав с новгородцами должны «совокупиться» в Смоленске, а Ольговичи и Давыдовичи ударить через область вятичей на земли Долгорукого. На Ростовскую волость надвигалась серьезная опасность, но Долгорукий, похоже, не верил, что задуманный его врагами поход может состояться и принести успех. Ростовский князь оказался прав. Впрочем, он не сидел сложа руки и заключил союз с половцами, что сразу обезопасило Ростов со стороны Волжской Болгарии, а также создало угрозу южному рубежу Киевщины.

Черниговские владетели вели двусмысленную политику. С одной стороны, они искали дружбы Мстиславичей, с другой – опасались Долгорукого. В итоге Святослав Ольгович (в то время правитель Северной земли) решил породниться с Ростиславом Смоленским и отправился в Смоленск, чтобы выдать дочь за его сына Романа Ростиславича. Обычно княжеские дети женились еще детьми, и свадьбы скрепляли политические союзы. Правда, события менялись так быстро, что эти браки способствовали только вырождению династий, потому что заключались между родней. Свадьба Романа не привела к прочной дружбе между черниговскими князьями и потомством Мстислава Великого. Святослав попиrowал в Смоленске, присмотрелся к делам и отбыл домой, чтобы вскоре предать Ростислава и его брата, дождавшись удобного момента.

Кампания Мстиславичей против Долгорукого началась поздней осенью. Изяслав Киевский наказал своим воеводам беречь Русь от набегов половцев, а сам уехал к Ростиславу, чтобы наметить план кампании.

Киевскую границу сторожили берендеи, торки (туркмены), черные клобуки (каракалпаки). Все эти племена ненавидели половцев, хотя и говорили на одном языке – тюркском. Правда, их отличал расовый тип: туркмены и каракалпаки – смуглые и черноволосые, а половцы – белокожие и со светлыми волосами.

Изяслав поехал в Смоленск налегке, а полки шли за ним. Ростислав и смоляне устроили великому князю пышную встречу. Братья «пребыста в велицѣ любви и веселии с мужи своими и с смоляны и ту дариста дары многими: Изяслав да дары Ростиславу что от Руской земль, и от всехъ царскихъ [византийских] земель, а Ростислав да дары Изяславу от верхних земель и от варяг», – говорится в Ипатьевской летописи.

Из Смоленска братья направили посольство в Ростов с предложением съехаться и договориться о мире. Его условия, конечно, были выработаны еще на сейме в Городце. Видимо, предполагалось, что Юрий Долгорукий признает старшинство Изяслава и согласится платить Киеву дань. Долгорукий молчал, не отпуская послов.

Изяслав поехал в Новгород, пировал, следил за сбором полков и ощущал себя, видно, настоящим государем Руси, как его отец Мстислав Великий и дед – Мономах.

Новгородские и киевские войска сосредоточились на реке Медведице на границе Ростовской земли, туда же подтянулся Ростислав со смоленскими полками. Братья вторглись в земли противника, разграбив их вплоть до Углича и устья Мологи.

Здесь стало известно, что черниговские князья ведут себя подозрительно: сосредоточили войска в земле вятичей против Долгорукого, но границу не пересекли, а выжидают, что произойдет с Изяславом. «В своих вятичѣхъ, ожидаюча и зряча, сто ся тамо учинить межи Гюргемъ (и) Изяславомъ», – констатирует ипатьевский летописец. Изяслав отправил несколько отрядов грабить окрестности Ярославля, но тут настала распутица. Войска Долгорукого отсиживались в городах, там же попряталось окрестное население. Изяслав посчитал кампанию стратегически проигранной, распустил полки и вернулся в Киев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.